

Игорь Ташин

Колыбель за дверью

Всякое случается в жизни,
не всему можно верить

16+

Игорь Ташин

Колыбель за дверью

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ташин И.

Колыбель за дверью / И. Ташин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98891-0

Всякому хочется чуда. Пусть маленького, незаметного другим, но такого желанного и непременно настоящего! Не того, что показывают фокусники, а волшебного. Вот так и случилось с отставным учителем словесности из Петербурга. Потеряв любимую работу из-за пристрастия к горячительному, он уже и не надеялся на изменения в жизни – работал приёмщиком в прокате видеокассет и без спешки катился по наклонной. Всё это продолжалось до тех пор, пока порог его мира не переступила красивая девушка, круто изменившая всю жизнь молодого учителя. С её появлением начали происходить невероятные чудеса.

ISBN 978-5-532-98891-0

© Ташин И., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1 – Ученик	6
Маленькая ремарка	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	57
Глава 12	60
Глава 13	67
Глава 14	74
Глава 15	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Игорь Ташин

Колыбель за дверью

Все совпадения с реально существующими событиями и людьми случайны и не предусмотрены автором.

Настанет день, и тебе придется решать, куда идти. И сразу надо идти туда, куда ты решил. Немедленно. Ты не имеешь права терять ни минуты. Тебе этого нельзя.

Джером Дэвид Сэлинджер – «Над пропастью во ржи»

Часть 1 – Ученик

Может так случиться, что всё, кажущееся нам сейчас таким важным, на поверку окажется пустяком.

Маленькая ремарка

У одного модного и успешного писателя довелось прочесть откровение: со слов редактора известного издательства, половина поступающих в издательство романов от молодых литераторов, начинаются с описания похмельного утра из жизни главного героя. О чём это говорит? Возможно, о пороке, наполовину поразившем среду молодых литераторов? Сложно судить, но...

Глава 1

Максим – пробуждение

На душе было гадко.

Так гадко – жить не хотелось. А может, он уже и не жив вовсе?

А может не на душе? Может во рту гадко?.. Да, точно, во рту гадко. И сухо. Сушь эту не размочить ни водой, ни лимонным соком с высоким содержанием витамина С.

Еще, этот нестерпимый запах. Он сам чувствовал, как от него воняет. И от него, и во рту...

И как гадко в голове... В голове, гудящей медным колоколом, в котором вместо одного сразу четыре языка бьют беспорядочно, беспорядочно, то умолкая на секунду, то ударяя разом...

“... А теперь давайте послушаем нашего гостя, Валеру, который любезно согласился выйти на суд зрительской аудитории! История Валеры нестандартна. Ему нравятся сразу две женщины. Представьте себе, они прекрасно уживаются и живут втроем одной семьей и под одной крышей! Невероятно!”

«Боже, какой мерзкий, визгливый голос. А может и не визгливый. Может даже не мерзкий. Может это просто мне так гадко»? – Максим Андреевич Картузов с трудом двинул головой и скосил глаза в сторону телевизора, за что был тут же наказан новой эскападой малиновых перезвонов. Он с раздражением понял, что проснулся окончательно и теперь должен что-то предпринять. Что именно он еще не решил. Самым простым эпикризом было продолжить, но остатки организма бунтовали. Они, эти остатки, не хотели так сразу становиться останками.

Они хотели одновременно попить водички – не водочки, поплевать над треснутым унитазом, согреться... Картузов ощутил нестерпимый озноб сыростью холодного пота на всем теле... Главное, хотелось успокоиться в сладком забытии бесчувственности. Хотя бы еще на чуть-чуть.

“... Нам нравится жить троим. Мы согреваем друг друга теплом наших сердец...”

Картузов с ненавистью поглядел на холеного паренька и двух прелестниц, согревающих теплом сердец друг друга.

«Нравится им... Ну, нравится, так нравится, а чего трезвонить и доказывать всему миру свою исключительную уникальность?.. Или напротив, возникла потребность оправдаться перед самим собою? Вот мол, я какой, вполне нормальный парень и в обыденной жизни моей все устроено правильно... Юноша, все уже доказано задолго до того, как Наполеон взял Бастилию... Наполеон? А разве он Бастилию брал?... Что это я?... Совсем отупел, баран бараном. Бастилию вроде как два офицера брали на штыках бунтарей?.. Два офицера... Уж лучше двух девчонок ублаgotворять, чем переживать за судьбы мира в одиночку».

В одиночку самое милое дело белой накушаться до бесчувственности, и пока еще не наступило время расплачиваться за нарушение заповеди, видеть с высоты, взлетевшей на крыльях дешевой эйфории души, что-то такое-эдакое, недоступное другим, что-то сугубо личное и интимное, светлое, прекрасное. В чем он не позволит копаться никому, никому. Что бережет только для себя.

И он ощутит себя ребенком. Маленьким мальчиком со светлой душой и наивными вопросами. А там, внизу, на земле, пребудут все неприятности, гадости, подлости...

Весь мрак и грязь останутся на земле.

Будет полет. И душа будет петь. Недолго, но обязательно будет. А он станет отвечать на вопросы маленького мальчика, давая светлые, правильные ответы...

А за сим последует падение. Крылья Икара вспыхнут, и опаленный герой рухнет блевать над унитазом, выворачивая наизнанку кишки и разрывая сосуды. И, чтобы душе взлететь вновь, потребуется очередная порция цедваашпятьоаш. Но последующий взлет получится менее удачным. Получится, но менее. А страдания над унитазом более мучительными. И так до тех пор, пока останутся одни страдания.

Верно сказано: водка помогает ненадолго уйти от проблем, к которым приводит пьянство, не более.

“... что особенно нравится вам в таком образе жизни?..”

«Мне в моем образе жизни ничего особенно не нравится», – скривился Картузов.

“... не вижу ничего аморального в образе жизни Валерия. Если им хорошо и они счастливы...”

– Значит и вы могли бы жить подобным групповым браком?

– Я нет, но Валерию завидую...”

Картузов поморщился – «... групповым браком! Браком не живут. Живут в браке... Ведущая, называется... Групповым браком... Групповым раком, вот это точнее... Не мог бы, но завидует. Да раз завидуешь, то мог бы. Небось, и не с двумя дубайскими, мечтами обживаешься. Вьюноша бледный... Ненаглядная вон, под боком, глядит умильными очами... Что это за передача такая мутненькая? Нужно в программку глянуть».

Картузов устало сполз с выдавшего лучшие времена дивана и добрался до газеты, лежащей на телевизоре. Тело на подобную вольность отозвалось букетом самых алголагнических ощущений.

«А, “Про ЭТО”. Дети мои, ПРО ЭТО все давным-давно сказано, разложено по полочкам и упаковано в целлофан. Читайте Федора Михайловича или Зигу Фрейда – вот у кого все по полочкам,... но только ничего не берите в голову. В голову можно брать только водку – никакой

философии, ни-ни!.. Как тот бритый говорил? А еще я ей ем?.. Выбирайте рецепт по вкусу. Аксиомы В ЭТОМ нет и быть не может. Теоремы доказывать – без толку. Есть этический декалог и противоречащие ему проявления бытия. Все сказано в книге книг ещё в незапамятные времена. И десять заповедей никто не отменял. И не нужно их теснить. И поправки вводить тоже не нужно. Это вам не Конституция. Пусть остаются такими, какие есть. Договорились? А вы, ребята, вы совокупляйтесь себе хоть вдесятером, ищите друг другу партнеров «в мире животных», открывайте для себя новое, то новое, что было открыто задолго до рождества Христова. И не нужно лезть на трибуны. И в трибуны, тоже не нужно, доставляя стаду щекочущее нервы зрелище. Они потому и смотрят, что им нравится ваша откровенная глупость. И сами себе, на фоне вашей глупости, кажутся вполне ещё ничего. Потому и хлопают – подбадривают. А нормы всегда останутся нормами – их создало время – эволюция разума... «Про ЭТО»... Хм. Нет, замечательно сказала та заведующая загсом, отказавшаяся регистрировать двух голубоглазых мальчиков с голубозадой ориентацией: “Может, вы завтра ко мне кобеля на поводке приведете, так что, мне ваши отношения с кобелем оформлять?” ... Мораль, мораль ребята,.. её еще никто не отменял. Это вам не пустой звук. И даже когда отменяют, она возвращается – проверено. Нарушаете, так отвечайте перед собственной совестью, если она у вас не в том месте, где детородный орган располагается... Эк, занесло меня, горемычного. А сам-то, сам?.. Тоже мне, апологет выискался», – так ворочал глыбы размышлений Максим Андреевич, маясь тяжелейшим похмельем.

Картузов, охая, приподнялся и попытался встать. Со второй попытки это удалось. Скривившись от ощущения мира, он отправился жить.

Прежде всего – туалет. Эту задачу, непосильную задачу для человека в состоянии Картузова, должно героически решить в кратчайшие сроки.

Выключатель, всегда находившийся на месте, на этот раз прятался и упорно не желал выходить из своего укрытия. Пришлось, подобно бойцу отряда спецназа, действовать в полной темноте. Большой квадратный коридор, хранящий в нутре своёю массу полезного, мог довести до безумия самого опытного разведчика из казачьих ползунов, но только не Картузова. Почти бесшумно, всего-то пару раз сорвав с вешалок пальто, да налетев на таз Розы Семеновны, висевший, по обыкновению, на стене, Картузов добрался-таки до заветной двери и проник в вожаемое пространство санитарно-гигиенического узла. Маленькая победа вдохновляла и внушала оптимизм. Даже выключатель нашелся и, не упрямясь, помог осветить нехитрое оснащение образца одна тыща девятьсот пятьдесят девятого года. Пожурчав над многое повидавшим унитазом, Картузов смыл мутные испражнения, и унитаз покорно проглотил гадость, не сетау на свою судьбу.

«Ведь умели делать, а! Сорок лет уже эта чугунная чертовина работает. Ну да, пусть уродлива, пусть ломается временами, но работает. И даже большая часть механизма оригинальна...

А танки наши», – продолжал размышления разведчик, возвращающийся с задания. – «Зверь машины! Никто в мире таких танков делать не умеет. Да что они вообще умеют? Брось их в нашу действительность – не выживут, с ума сойдут, передохнут без психоаналитиков. И психоаналитики их у нас тоже передохнут... Психов-то у нас – хоть отбавляй, а вот аналитиков... Броня крепка и танки наши быстры»...

Незаметно для себя Максим Андреевич начал напевать, чем легкомысленно разоблачил для противника собственную дислокацию. Вспыхнул свет двадцатипятиватной лампочки засиженной мухами, и суровый голос припечатал Картузова к стенке:

– Да когда же это кончится, Максим! Вот послал бог соседа, а! За что такое наказание?! Вы же интеллигентный человек, а довели себя до скотского состояния, смотреть страшно.

– Роза Сем-на, вечер добрый, – язык предательски отказывался слушаться, Картузов, каясь в душе и признавая правоту соседки, перешел в наступление. – Вы ошибаетесь, уважая. Меня

никто не посылал, я тут, можно сказать, исключ-но по собственной прихоти. А скоты, они не пьют спиртного. Это прерогатива исключ-но человека им же изобретенная. За остальное прошу простить.

Картузов театрально поклонился, мотнув головой, потерял равновесие и упал на правую ногу. Роза Семеновна покинула поле боя, в сердцах хлопнув дверью. Наступила тишина. Свет, хотя и тусклый, но рвущий на куски мрак окружающего пространства, позволил Картузову без приключений добраться до своего скромного жилища. В особенности ставшего скромным после развода с третьей женой.

Жен было, действительно, целых три, хотя Максиму Андреевичу едва стукнуло тридцать два. Виной всему была влюбчивость и врожденная порядочность. Он не мог отказать женщине, желающей женить его на себе и считающей, что ей удастся сделать из Картузова “человека”.

Папина профессорская трёшка в старом фонде, после второго расторжения брачных уз, трансформировалась до двадцатичетырёхметровой комнаты, в коммуналке. Последняя супруга оставила его в спартанской обстановке. Удалось отвоевать только старый диван, такой же старый стол с тремя стульями, телевизор – потому, наверное, что это был хотя и цветной, но десятилетней выдержки «Горизонт» – и большой стеллаж с книгами, подпирающий высокие потолки сталинки. Книги – это святое. За них Картузов грудью бы лег на амбразуру. Но грудью жертвовать не пришлось. Не нужны им книги. Это раньше литература в дефиците была. А нонче за всех братьев Стругацких трёх кило копченой колбасы не дадут. Во, дожили! Одни франклины в дефиците.

Продолжая размышлять на вечные темы, Картузов, немного расходившись, закружил по комнате. Наткнувшись на чайник, переживший несколько термальных катаклизмов, но еще вполне сносный и способный кипятить, Максим Андреевич ухватил его за ручку и потряс. Чайник отозвался умиротворяющим бульканьем, а его вес говорил сам за себя. Картузов жадно приник к носику и стал пить. Вода свежила, придавала сил. Вливаясь в раскаленные лабиринты, она гасила пожар, вызванный неумеренным возлиянием.

И с чего это он так надрался? Риторический вопрос. А ведь давал себе слово – будто это поможет. Результат налицо.

Но водопитие потянуло за собой сразу цепочку желаний. Прежде всего – курить. Невзирая на слабость членов, головокружение и тошноту, курить хотелось.

«Вот покурю, попью водички, а там... Стоп. Никаких «тамов». Хватит. Не ровен час и в психушку загреметь. Это нам ни к чему, особенно сейчас. Утром на работу!»

Он прошел к импровизированному шкафу. Шкаф Картузов соорудил самолично из плотных картонных сигаретных ящиков “Кэмел”, собрав их в стойку и скрепив скотчем, а вместо дверей приспособил натянутую на проволоку старую портьеру. Получился вполне сносный мебель, разбитый на равные секции, в которых лежало имущество, необходимое для жизни. Были тут и рубашки; целых четыре штуки – одной из них, джинсовой, фирмы “Вранглер”, Картузов гордился особо. Ее подарил однокашник, Валерка Маслов, на день рождения, привезя подарок из самого Лондона, куда был послан ещё советской властью на какой-то научный симпозиум. Были две пары не заношенных джинсов, толстый шерстяной свитер, трусы, носки, простыни и полотенца. Был даже пострадавший от времени, но еще крепкий махровый халат, купленный им самим в комиссионке. Всему нашлось свое место. Картузов терпеть не мог беспорядка и комната его сияла чистотой и своеобразным уютом. В нижних “секциях” шкафа жили потрепанные кроссовки “Рибок”, туфли “Ленвест” (которые он терпеть не мог – жали) и зимние сапоги неизвестного происхождения, приобретенные в секонде.

Вообще, эти секонд-хенды стали истинным спасением. Раньше одеться была проблема из проблем. Картузов не любил вещи низкого пошиба – лучше одну, но хорошую. Да где ж ее

возьмешь? А теперь он, всего за двадцатку, щеголял в настоящем, почти новом шотландском свитере. Да здоровствует секонд-хенд!

Слегка помятая пачка “Примы” лежала на своем месте между носками и халатом. Картузов распечатал НЗ и извлек заветную отраву на свет божий. Сигарета, оказавшись в руках, вызвала некоторые сомнения: а стоит ли? Поколебавшись, он все же решился и закурил. Первая затяжка вызвала тяжелый спазм, и желудок попытался было низвергнуть свое содержимое наружу. Но, то ли содержимое было слишком незначительным, то ли сказалось многолетняя школа – так или иначе, а дело пошло. Давясь и кашляя, Картузов наполнил комнату клубами дыма, то и дело прикладываясь к носику чайника.

Сидя на покосившемся стуле, дымя сигареткой и попивая воду, он встретил рассвет.

Ровно в шесть часов тридцать минут зазвонил старый будильник.

Максим Андреевич поднялся со стула, выключил шипевший пустым эфиром телевизор и отправился на кухню кипятить чай.

Новый день неизбежно начался.

Глава 2

Максим – Новости на службе

Где только не пришлось служить Максиму за свою жизнь. На каких только должностях не довелось работать.

Сын профессора словесности Ленинградского Государственного Университета, Максим Андреевич Картузов, окончивший заведение с отличием и красным дипломом, даже не помышлял в бытность студентом, с какими производственными задачами ему придётся столкнуться. Все прочили ему блестящее будущее, аспирантуру и место на кафедре, а к тридцати докторскую степень. Да так бы оно и случилось, не реши он «сходить в народ» и поработать в должности простого преподавателя русского языка и литературы.

Картузов был поздним ребёнком от второго брака, как следствие, любимым сыном – кстати, единственным. Была ещё старшая сестра по отцу, но с ней Максим даже не был знаком: мутная история, о которой папа не распространялся.

Максим, весьма лапидарно, объяснил пожилому родителю все свои устремления, порывы и твёрдо стоял на своём. Папа выслушал, скандала затевать не стал – любимец, как ни крути – напротив, благословил на «народничество», тем более, что это был плюс для биографии будущего профессора.

Таким образом, Картузов, или Макс, как называли его друзья: во-первых, Максим, а во-вторых, аббревиатура первых трёх заглавных букв – имени, отчества и фамилии – получил направление в «обычную» элитарную среднюю школу.

Он любил своих учеников, а ученики любили его. Такое тоже случается. Максим Андреевич жил в гармонии с миром, но на беду полюбился с учительницей химии, Лидочкой.

С тех пор, Картузов часто повторял: «Я – жертва неудачной химической реакции», не уточняя, впрочем, какой именно. Лидочка через год коварно и неожиданно ушла от него к летчику второго отряда Пулковского авиапредприятия, летающего в Рим, Париж и Лондон.

Тогда-то Картузов и запил, неожиданно для себя, лихо и бесшабашно. Остановился уже после увольнения из школы «по собственному» и взялся за голову, периодически срываясь – справедливости ради заметить – в алкогольный штопор на недельку-другую, отчего и имел столь же периодические неприятности. Пока ещё был жив папа, Максим держался, но после скоропостижной кончины отца от инфаркта, тормоза ослабили и его несло.

В трудовой книжке Картузова значились должности: лектор общества «Знание», электромонтер, вахтер, сторож, сантехник, дворник, рабочий садово-паркового хозяйства, страховой агент, продавец (бананов с уличного лотка, но это не записано), приемщик в видеопрокате...

В последней должности приемщика работал Максим уже полгода до сегодняшнего дня. Неделью работать с девяти утра до девяти вечера, неделю отдыхать. Такой график Максима Андреевича устраивал. Именно сегодня была его очередь заступать на недельную вахту.

Тепло, светло, чисто. Сиди, почитывай книжечку, когда клиентов нет, попивай чаёк, думай или скучай. Приёмник тихонько мурлычет любимую станцию «Эрмитаж», клиенты – по большей части, люди спокойные. Красота... Платили не много, но и не бедно – три зарплаты того же учителя средней школы. Но и запросы его невелики: продукты дешевые есть, сигареты есть, водка, при желании, тоже. Картузов даже откладывал «на чёрный день», покупая доллары мелкими купюрами у местных фарцовщиков – жизнь научила не верить в стабильность рублей

и копеек. Почему мелкими? На крупные не заработал. Главное не прогулять. Больше всего он боялся потерять эту работу. Устраивался по протекции школьного приятеля и получил строгое предупреждение – хоть раз прогуляешь, можешь не выходить.

Потому-то ни о каких «продолжениях» не могло быть и речи. Макс вообще был человеком обязательным и ответственным, когда того требовали обстоятельства.

Максим несколько раз за утро сходил под контрастный душ, побрился, оделся в чистое. Среди друзей он слыл чистюлей, не терпел грязной одежды и неряшливости в облике. Отпивался чаем, сварил и съел две тарелки овсянки типа «Геркулес», закусив пакетом активированного угля. Уже к половине девятого Картузов выглядел, хотя и слегка подвявшим, но свежим огурцом. Увидев его в коридоре, Роза Семёновна одобрительно кивнула и молча показала большим пальцем «Во!». Максим смущённо улыбнулся в ответ, прижал руку к сердцу и поклонился, прося прощения за ночную вылазку; после чего надел куртку, вычищенные ботинки и вышел из дому, неся в старомодном, ещё отцовском портфеле из телячьей кожи, тормозок с обедом: всё та же сердобольная овсянка и отварной окорочёк с американской родословной, смазанный горчицей. Чай, сахар и печенье они с напарником покупали в соседнем магазине и оставляли друг другу по смене. Ещё в портфеле лежал Трамвай «Желание» Теннесси – пьеса, которую Картузов любил перечитывать для приведения своего внутреннего мира к относительной гармонии.

Выйдя на Ленинский проспект, где располагался его дом, Максим потихоньку шёл в сторону Московского, любуясь первыми мгновениями завораживающей ленинградской осени.

Стояло бабье лето; ясные солнечные деньки тешили душу, напоследок, перед хмурой осенней хлябью, наполняя невесомой радостью, воздухом и светом. Клёны в скверах, пламенея, вздымали к небу раскидистые кроны, возвышаясь над кружевом расцветенного осенней пастелью кустарника, словно межсезонные светофоры, перекаывая то багрянец, то золото листьев, а по сторонам, надменной голубизной тенили патриархально-чопорные ели, безразличные к червонным красотам. Кошки, живущие в подвалах и на чердаках, выбрались на свет божий и намывали шёрстку, принимая солнечные ванны, шурились лучам солнышка, а освежённый после ночной уборки город, прихорашивался в начале новой недели трудовой. Над городом, ввысь и в стороны, раскинула свои крылья выцветшая за лето лазурь низкого осеннего неба, по которому неумелый декоратор мазнул то там, то тут, белилами редких облаков.

Ходьбы от дома до проката было минут пятнадцать неспешным пешим ходом. Максим добирался двадцать пять, присев в сквере на лавочку полюбоваться осенью.

Сменщик Аким – Картузов восхищался родителями мальчика, давшими такое звучное и редкое имя отпрыску – уже открыл прокат и ждал Максима, чтобы передать смену. Вообще-то раньше они менялись по вечерам, но после неудачной попытки ограбления во время перемены, стали меняться утром.

Аким был исключительно молод – всего двадцати лет от роду, активен, подвижен, улыбчив и хорош собой: высокий, стройный, с черными, как смоль волосами, большими кофейно-кариками арабскими глазами и правильными, разве что слегка женственными, чертами лица. Мама его была местной, а папа болгарин, оставшимся в Ленинграде после учёбы и давшим сыну достойное воспитание. Учился Аким заочно в универе и Максима Андреевича безмерно уважал, невзирая на его слабости, о которых догадывался. Они любили поговорить «про жизнь» и радовались общению.

– Привет, Акиша! – поздоровался Картузов, входя в помещение проката.

– Что за фамильярности, Максим Андреевич, – Аким, улыбаясь, протянул руку. – Ами-кошонство вам явно не к лицу. Здравствуйте, как поживаете?

Он по-молодому дурачился, не упуская возможности попрактиковаться в хороших манерах, которые почерпнул из книги рекомендованной Картузовым.

Макс вспомнил, что Акиму не нравилось это его «Акиша».

– Извини, брат, забыл. А ты растёшь!

– А то, – самодовольно улыбнулся Аким. – Вашими молитвами, Максим Андреевич!

Картузов множество раз просил Акима быть с ним запросто, на ты и звать Максимом либо Максом, но тот, из внутреннего уважения противился и обращался по имени-отчеству на вы.

– Ну, рассказывай, что тут у нас плохого за неделю? Чем расстроишь?

– Да всё в порядке, Максим Андреевич, никаких неприятностей, всё как обычно. Хозяин кассеты новые позавчера подвозил. Замена тех, что не вернули и новинки. Всего тридцать четыре штуки. Сегодня ещё подвезёт. Проверил журнал и квитанции, всё пересчитал. Рутина, одним словом.

Кассеты регулярно не возвращали, оставляя залог в кассе. Дело в том, что новая кассета в ларьке стоила 120-150 рублей, да ещё неизвестно какого качества плёнка и сама запись. А в прокате все кассеты были немецкие, записи только на пятёрочку, за исключением разве что самых свежих фильмов. И залог за новенькую кассету составлял сто рублей. Оттого и популярность заведения росла, а постоянных клиентов прибывало. Хозяева работали на совесть, на лоскуте не кроили. Учítывая, что чистые кассеты они брали оптом по семьдесят рубликов и сами занимались записью, то трудились уж конечно не в убыток.

– Много не возвернули?

– Пятьдесят шесть штук за неделю. Так вот.

– Ого! – присвистнул Максим. – Солидно, однако.

– Новинок было много в начале недели. Но Толик всё восполнил, три раза за неделю подвозил вылета́йки и новинки.

Толик – один из хозяев проката. Всего их было два – Анатолий и Михаил, появлявшийся гораздо реже и бывший «старшим партнёром».

– Чаю попьём после счёта или спешить?

– Попьём, Максим Андреевич, обязательно. Я и заварил уже.

Максим, минут за двадцать перечёл все кассеты, сверил квитанции с журналом и наличием, проверил залоговую кассу. Никаких «отклонений от нормальной температуры» не обнаружил. И они уселись за небольшим столиком пить ароматный свежесваренный чай с печеньем «Школьное».

К чаепитию Картузов относился ответственно и Акима приучил к такому же трепетному пониманию вкуса, запаха и цвета. Аким, поначалу, пытался напоить его чаем в пакетиках, но «контрацептивы», как их называл Максим, вызывали у него неприятие полнейшее. Только листовой, только свежий и по возможности цейлонский. Он принёс из дому старенький заварочный чайник, и Аким быстро вошёл во вкус благородного напитка, удивляясь, как это он раньше пил «пакетированные отходы чайного производства».

Разговор вели неспешный.

Картузов умышленно приучал Акима к спокойной беседе, не допускающей бурных эмоций и резких перепадов. Этому его учил папа, неназойливо, просто беседуя с сыном, а теперь уже он старался привить Акиму манеру вести интеллигентный диалог, хотя тому, по молодости и горячему темпераменту, сдерживаться было не просто. Поначалу он бурно дискуссировал, размахивая руками, громко говорил и смеялся. Картузов же напротив, вёл себя сдержанно, мягко, не повышая голоса отвечал и улыбался шуткам. Аким быстро осознал разницу в их поведении, которая складывалась не в его пользу. Парнем он был весьма восприимчи-

вым. Узнав вкратце биографию Картузова, вслушавшись в его богатую языком речь, интонации и оценив выдержанность суждений, он зауважал старшего товарища до невозможности, обращался к нему за советом, прислушивался к мнению, стал читать книги по рекомендации «наставника», каковым он сам выбрал Макса. Максим же относился к Акиму если не как к сыну, то как к младшему брату, которого у него никогда не было. Ему очень нравился этот парнишка, такой жизнелюбивый, открытый и обаятельный в своей непосредственности.

– Чем собираешься заняться на неделе, Аким? – интересовался Картузов.

– Отдохну, денёк и засяду за учебки. Нужно хвосты подтягивать.

– А таковые имеются? – Максим нарочито удивлённо смотрел на собеседника, как бы говоря: «Уж от кого, от кого, а от тебя я хвостов не ожидал».

– А у кого их нет, Максим Андреевич? Да ничего страшного, купирую.

– Может, помощь нужна? Ты скажи ...

– Справлюсь! – беспечно махнул рукой Аким и смутившись, добавил. – Спасибо за предложение.

– Пустое, – отмахнулся Картузов. – А чем душа живёт, в каких краях гуляет?

– Над пропастью во ржи, – улыбнулся Аким.

– Даже так... – протянул Картузов. – И глубоко она гуляет в этой самой пропасти?

– Да как сказать, – Аким задумчиво мешал ложечкой чай, не издавая шума. – Идея понятна: спасаем детей от цинизма взрослых, учим гармонии добра и добродетели... Но вот, как хотите, а не моё это. Идёт со скрипом. И дети «не наши» и проблемы внутренние какие-то «ненашенские». Таким вот образом воспринимается, тут уж от меня не зависит.

– Да так, так и так, – спокойно отвечал Картузов. – Готовые рецепты только у врачей и те не помогают. Но понял ты идею верно, а сердцу не прикажешь.

– Вот кстати, о сердце. Вчера заходила, вскользь о вас спрашивала, – «не заболел ли Максим Андреевич»?

– Кто заходил? – неожиданно для себя Картузов вскочил, почувствовал, что краснеет. Аким тактично этого не заметил.

– Ну, Сокольская, конечно. Наталья Сокольская. Вы ещё говорили, вкус у неё безукоризненный.

– Господи, слава тебе, жива, – пробормотал Максим. – Прости, о чём ты спрашивал, Аким?

– Я о ваших словах по поводу Сокольской, что она обладает безукоризненным вкусом.

– Я говорил? – деланно удивился Картузов.

– Не я же, – пожал плечами Аким. – У меня своя «безукоризненная» есть – Татьянка. Помните, забегала на прошлой пересменке? Чёрненькая, такая, высокая, с короткой стрижкой... У нас с ней полная гармония. На прошлой неделе концерт ДДТ в СКК слушали вместе. Шевчук – просто отпад!

– Шевчук?... Да, отпад, вообще, человек – умница... И что там Сокольская?

Аким внимательно посмотрел на Картузова. Его беспокоил, последнее время, душевный настрой учителя. Чувствовался некий надрыв, перетянутая струна. Да и потом: где Сокольская и где Картузов? На ней одни туалеты стоят дороже всего проката.

– Так что, Сокольская: узнавала, когда будете, здоровьем вашим интересовалась, взяла посмотреть «Король – рыбак», попрощалась и ушла. Вздвонованная была какая-то. Мне показалось.

– Вздвонованная? – встрепенулся Картузов. – Может у неё случилось что?

– Может и случилось, не знаю. Выглядела как-то расстроено и немного нервничала. Я ей фильм советую, а она словно и не слушает особо. Взяла кассету не глядя и на выход. Возможно, сегодня сдавать придёт?

Картузов наконец понял, что излишними вопросами выдаёт себя с головой. Он невольно переключился на тему осенних пейзажей Куинджи, пространно рассуждая о нынешней необыкновенной золотой невесте и сравнивая ленинградскую природу с малоизвестным полотном «Осень», чем окончательно убедил Акима в своём небезразличном отношении к Наташе. Сам это понимая, Картузов в душе злился на себя, но остановиться уже не мог.

Они ещё немного посидели, обсудили повышение цен на курятину, исчезновение из продажи конфет «Мишка на севере» и удачи футбольного клуба «Зенит», но разговор не клеился. Картузов ускользал мыслью, а Аким, чувствуя это, жалел его. Вскоре он попрощался и оставил Максима на «боевом посту», пообещав «заскочить, если будет рядом». Дверь за Акимом закрылась, проводив колокольчиком, и Картузов остался один. Нахлынули воспоминания.

Глава 3

Наташа – Знакомство

Познакомились они с Наташей случайно, при обстоятельствах, достойных рыцарского романа. Картузов шёл прогулочным шагом на работу в прокат, размышляя, по обыкновению, о судьбах поэтов. На этот раз он вспоминал жизнь Гумилёва, его любовь к Лизе Дмитриевой и нелепую дуэль с Волошиным. Кто знает, не случись тогда две осечки у пистолета, из которого стрелял Волошин, возможно, мы никогда не увидели бы ни «Шатра», ни «Огненного столпа». Не занял бы он столь высокого места на российском пьедестале поэзии, и большевикам не пришлось бы казнить гениального поэта в 1921 году, орошая свои руки кровью гения. И было ему лишь тридцать пять – всего на три года старше самого Максима. А сколько он уже успел, сколько увидел... «А вот я ничего не успел. Да и не успею уже», – помрачнев, думал Картузов. – «Жизнь прошла мимо – по моей вине, никто меня не гнобил, не унижал. Сам себя загнал ниже плинтуса – нечего на зеркало пенять. Пусть бог не наградил талантом творца, но ведь большим учителем мог бы стать? Ученики, вон, из первых были, до сих пор звонят, удивляются нынешней моей жизни. А Сашенька уже помощь предлагала – далеко шагнула, умница».

От таких мыслей Картузов сник и брел, не глядя по сторонам, бередя всё больше душу, истязая память. Неожиданно в его внутренний раздрай ворвался громкий крик:

– Оставь в покое меня, слышишь? Оставь, что нужно тебе?

Именно это «что нужно тебе», привлекло внимание словесника. Необычная расстановка слов, лёгкий, едва уловимый прибалтийский акцент в звонком, красивом голосе, остановили Картузова.

Он огляделся, увидел невдалеке, у низенькой оградки сквера, девушку необыкновенной красоты: высокая, почти с Картузова ростом, стройная, но далеко не худышка – узкую талию снизу дополняли умеренно широкие бёдра и длинные красивые ноги, а сверху развитая спина и пышная грудь, волосы цвета спелой ржи ниже плеч едва вились, живя на воле, белоснежная кожа лица, пухлые губы, правильный ровный носик... а глаза – огромные, синие, гневные, мечущие молнии... Одета она была в стрейчевые голубые джинсы и белую футболку-облипушку. На ногах дорогие кроссовки Пума. На вид ей было двадцать-двадцать три, не больше. Девушка упираясь, отталкивала крепкого парня, тащившего её куда-то за руку. Прохожие оглядывались и стыдливо отводя глаза в сторону, шли мимо, – «Лучше не связываться».

Картузов понимал, ничего хорошего из его вмешательства не выйдет, но просто мимо пройти уже не мог.

– Эй, молодой человек, отпустите девушку! Так приличные люди себя не ведут, – вмешался в конфликт его голос, прежде, чем он успел даже подумать.

– Тебе чего надо, а фраер? По рогам давно не огребал? – тут же зло взъелся парень. – Давай, копытами шевели отсюда, пока я добрый, что б потом не огорчаться. Догоняешь?

Картузов поморщился: его коробило, когда коробили «великий, могучий».

– Мужчина, пожалуйста, помогите! Не знаю я, что нужно от меня ему. Пристал листом банным! – девушка умоляюще глядела на Картузова, хлопая длинными, густыми ресницами.

– Ну, вот что, юноша, – решительно сказал Картузов, приближаясь вплотную. – Либо вы отпускаете девушку и извиняетесь за своё безобразное поведение, либо будете наказаны! Думайте!

– Да что тут думать, лось сохатый, – процедил парень, буравя Картузова маленькими водянистыми глазками, не отпуская руки девушки, неожиданно размахнулся другой рукой. И тут же, не успев даже ойкнуть, поплыл в сторону и завалился навзничь прямо на траву сквера, перевернувшись через низкую оградку, где остался лежать недвижимый. А Картузов,

смущённо улыбаясь, потирал костяшки пальцев. Девушка всхлипнула и огляделась. Никто к ним не подходил, все спешили по своим делам, старательно ничего не замечая.

– Как вы быстро его, а? Здоровый ведь он и драться умеет. – девушка непонимающе и благодарно смотрела, ожидая ответа.

– Да это не сложно, ... имени вашего не знаю, простите?..

– Наташа. Наташа Сокольская я.

– Картузов Максим Андреевич! Очень приятно... Это не сложно, Наташа, я ведь в юности боксом занимался и довольно успешно.

Максим действительно занимался боксом. В четырнадцать лет он сам, минуя советы отца, записался в секцию бокса спортивного общества «Динамо», где и тренировался целых шесть лет. Пошёл он в бокс, чтобы пресечь школьные дразнилки-приставалки и «укрепить дух и тело», по его собственному выражению. Ребёнком он был сублильным, слабым, характера робкого и по этой причине долго служил в школе объектом для издёвок со стороны сверстников.

Перед тем, как прийти в секцию, Максим взял в школьной библиотеке книгу «Атлетическая гимнастика» и полгода усиленно по ней занимался дома, съедая много мяса и рыбы, чем радовал папу – аппетит у сына был не ахти какой. Кроме этого он начал бегать по утрам: вначале, задыхаясь, километр, а через шесть месяцев уже спокойно пробегал по пять километров каждый день. Когда пришёл записываться, то поначалу тренер неохотно его оглядывал, сомневаясь брать Максима или нет – «старый и нескладный какой-то». Но когда Максим подтянулся двадцать раз на перекладине, всё же взял. А через три года Максим стал чемпионом города в своей весовой категории – не было ещё у тренера такого старательного воспитанника. Оставил бокс Картузов уже, будучи двадцатилетним, не желая дальше подвергать свою голову динамическим испытаниям.

Наташа внимательно оглядывала Картузова: высокий, плечистый, сухощавый – про таких ещё говорят «двужилый», лицо открытое, приятное, чистое. Серые, добрые глаза. Черты не мелкие, правильные, ресницы и брови белёсые, волосы светло-светло русые, словно выгоревшие, коротко пострижены. Одет просто, недорого, но со вкусом и опрятно. Улыбка открытая, светлая, широкая... Картузов вызывал симпатию и доверие.

– Давайте уйдём скорее, Наташа. Мне бы не хотелось продолжать конфликт, а из нокаута этот юноша скоро выйдет. Ещё и милиция привяжется... Пойдёмте, правда, если хотите, я вас чаем угощу – я работаю буквально рядом. Вы успокойтесь...

– Пойдёмте, Максим Андреевич, – отвечала Наташа. После всего пережитого ее, похоже, потряхивало.

– Позвольте предложить вам руку, барышня, – Максим согнул правую руку в локте. – Думаю, это будет для вас не лишним. И можете называть меня просто Максим – не так уж велика разница лет между нами.

Наташа с благодарностью опёрлась на руку Картузова и он ощутил её тепло и лёгкую дрожь.

– Вы говорите церемонно так, Максим. Так необычно. Кто вы?

– Я был учителем словесности, а ныне тружусь на ниве кинопроката, – улыбнулся Картузов. – Сейчас вы всё увидите сами.

Они шли к прокату, оставалось ещё метров пятьсот. Картузов искоса поглядывал на Наташу. Никогда ещё его руку не держала настолько красивая девушка. Чем больше он смотрел на неё, тем сильнее было предчувствие: «Не к добру это, Макс, ой, не к добру!».

Когда Картузов, достав ключи, начал отпирать прокат, Наташа весело расхохоталась:

– Так вот она, нива кинопроката, о которой вы говорили.

– Она, кормилица, она. Что бы делал без неё, даже не знаю.

– Ваш прокат? А фильмов много у вас тут? – поинтересовалась Наташа.

– Нет, Наташенька, прокат не мой, что вы. Это и дорого очень, и хлопотно с властями диалог вести, да и жилки коммерсанта у меня никакой, – объяснял Картузов, проходя в помещение и включая свет. – Тут одних кассет семьсот штук, имущество, помещение, ремонт... Откуда у простого учителя такие финансы? Я человек не богатый и вольный. А работа... времена нынче сложные, голодные, сами понимаете.

Наташе, похоже, стало неловко за свои вопросы, но Картузов, заметив это, постарался её успокоить:

– Да вы не смущайтесь, Наташа, я своей работы не стыжусь. «Стыдной» работы вообще не бывает, если она не несёт людям зла. В конце концов, не место красит человека. Вот сменщик мой – замечательный парень, кстати – студент университета, будущий юрист... Сейчас мы чайку заварим свежего.

Разговаривая, Картузов ловко наполнил электрочайник покупной водой из канистры, засыпал в заварочник три ложки с горкой цейлонского чая из жестяной банки, выставил на небольшой столик тарелку с печеньем, сахар и чашки.

Наташа с интересом разглядывала стеллажи с рядами кассет, карточки с аннотациями к фильмам, плакаты, стенды с объявлениями о новинках уже поступивших и ожидаемых. Прокат был сделан добротно, уютно и дорого. Хозяйева даже обустроили крохотный туалет с раковиной и на микроволнушку с чайником для приёмщиков денег не пожалели.

– Хорошо тут у вас, спокойно, чисто, – заметила она. – Только скучновато, наверное, да?

– Да как вам сказать, – улыбнулся Картузов. – Человеку мыслящему скучно не бывает. Я очень люблю читать, общаться с разными людьми, наблюдать характеры. Тут этого вволю. Да и посетителей немало. Сейчас утро, а вот уже часов с двенадцати плотно пойдут, к вечеру даже очередь будет.

– А что читаете сейчас?

– Я не оригинален. Короля Лира пытаюсь переосмыслить в очередной раз. «Плохие, стало быть, не так уж плохи, когда есть хуже. Кто не хуже всех, ещё хорош», – процитировал Картузов.

– Хороший вы, Максим, человек, – серьёзно сказала Наташа. – Я думаю так, правда.

Максим смутился и понял, что краснеет. Он всегда очень неловко себя чувствовал, если его начинали хвалить. А Наташин лёгкий акцент, слегка протяжный говор и такие милые огрехи расстановки слов в предложениях, приводили его в волнение, и сердце начинало чаще биться, напоминая о своём присутствии.

– Вы меня плохо знаете, Наташа. У меня много недостатков, с которыми даже самому мириться сложно.

– А вы не миритесь. Вы прячьте их в шкаф, а потом на помойку! – рассмеялась Наташа.

– А ведь вы правы, – задумчиво отвечал Картузов. – Там им самое место. На помойке в мусорном контейнере.

– Вот видите, Максим, как решение найти просто. Главное – желание. Вы расскажите о себе немного, да?

Картузов, тем временем, разлил заварившийся чай и они сели с Наташей за столик друг против друга. Ему стало удивительно хорошо рядом с этой девушкой, как не было уже давным-давно. Она была очень непосредственна, не пыталась кокетничать, «казаться» и «выглядеть», а просто вела себя естественно, как дышала, и от этого веяло старым добрым другом.

– Да жизнь моя обычна, тривиальна и скучна, если хотите. Пошёл по папиному пути – окончил ЛГУ и стал словесником. Преподавал в школе. Потом, в силу обстоятельств, из школы ушёл, а тут и плоды перестройки дозрели: страна распалась, пришла другая формация, для которой люди – мусор. Хваткие рвут своё, а я стою в стороне и наблюдаю.

– Говорите вы ёмко, Максим, но слова не вытянешь из вас! – улыбнулась Наташа. – А жена ваша кто? Тоже, учитель?

Картузову стало неуютно. Воспоминания опыта своей семейной жизни всегда вызывали у него досаду.

– Жена... была учительницей, да. Через год ушла к другому. Вторая жена – врач – студентка; как выяснилось, ей нужна была лишь прописка в Ленинграде и площадь. Тоже полтора года и финал: получила распределение в ленинградскую поликлинику и пошла своей дорогой. И, наконец, была жена-проводница: с ней мы мало понимали друг друга – как она случилась моей женой, понять не дано. Проводница, через год покинула, немного обескровив. Вот таково моё резюме в браке, Наташа. На трёх жён три с половиной года семейного стажа, – пошутил Максим. – Сейчас один. Ребёнком жёны меня одарить не сподобились. Папа умер, а маму я не знал совсем – видно это проклятье рода такое, что от наших мужчин жёны уходят.

Картузов сам не ожидал от себя подобной откровенности. Мог бы просто отшутиться или обойти вопрос, сказав – «да, учительница, как вы догадались?», что, по сути, не было бы ложью. Однако Наташе он не мог так ответить. Вот не мог и всё тут, без всяких психоанализов.

– Вы простите, Максим, я не предполагала, что всё так печально... в жизнь вашу полезла... – Наташа сочувственно смотрела, не отводя своих синих глаз, а Картузов тонул в них, не взывая о помощи и осознавая свою погибель.

– А почему вы решили, что я женат, Наташа? – спросил Картузов, чтобы соскочить со щекотливой темы.

– Вы так одеты аккуратно, чисто, думала, жена ваша заботится. Мужчины обычно не всегда так опрятны, по мелочам видно.

– Вы наблюдательны, – улыбнулся Максим.

– Я же журналист, положено мне, – Наташа тоже улыбнулась.

– А вот, кстати, о вас? Теперь ваша очередь: расскажите о себе, откуда вы, с таким говором и такая неземная?

– Неземная? – удивилась Наташа. – Да я самая земная, что есть, вы меня ещё не знаете. Думаете, я такая карамель сладкая, да?.. Внешность? Ну, такой мама родила, спасибо ей, но лучше бы, всего было меньше, жизнь бы легче шла. Пристают всё время, тоже надоедает.

Она это сказала просто, не кокетничая и не гордясь. Как факт.

– Их тоже можно понять, – улыбнулся Картузов.

– Можно, – вздохнула Наташа. – Но если девушка говорит «нет», это значит, нет. Или я не права?

– Правы. Безусловно, правы, Наташа. Но не во всех, увы, прослеживаются следы хорошего воспитания. Такова жизнь.

– Плохая жизнь, – с неожиданным ожесточением сказала девушка.

– Мы, однако, опять свернули с повествовательного пути. Так всё же, Наташа, откуда вы и кто? Расскажите?

– Расскажу, да. Только чаю попрошу взамен. Налёте?

– Ох, простите, нерадивый я хозяин, не предлагаю. Одну минутку, чайник согрею.

– Ну, интересно если знать обо мне, так слушайте. Родилась я в Латвии, в Даугавпилсе, небольшой такой город. Наверняка знаете о нём.

– И даже бывал, – улыбнулся Картузов. – Ещё в СССР. Очень чисто, уютно и кафешки там отличные.

– Правда? – обрадовалась Наташа. – Это здорово, значит видели мою родину... Ну вот, папа лётчиком военным был. Русский, мама его любила сильно. Он из Воронежа родом. А мама – латышка, красивая очень, имя у неё Эвия – красавица по-латышски, я в неё. Мама хотела назвать меня Майга – значит нежная, но папа настоял. Потому я и Наташа, потому и Сокольская. Папа погиб, когда мне ещё три годика было. Сергей, его звали, Серёжа. Не помню его совсем. Иногда сон снится: меня берут большие мужские руки, поднимают высоко-высоко, потом подбрасывают вверх и ловят, я смеюсь, заливаюсь... А мама замуж больше не пошла, хотя многие звали. Так и осталась одна с дочкой. Папу не забыла, нет.

Наташа молча пила чай, видно было, что воспоминания взволновали её, а Картузов вопросы дальше не задавал, ждал тактично. Вскоре она продолжила:

– Мы в Ригу перебрались к бабушке, там большая у неё квартира. Бабушка моя – латышка тоже. И тоже очень красивая была. Россию недолюбливает, правда. Человек хороший, прямой и честный. Она, как теперь говорят, «из бывших». До войны богатой была. С немцами не бежала, Ригу очень любила... А вы были в Риге? – неожиданно спросила она.

– Был, давно. Мост очень красивый у вас и центр старый мне понравился. Очень славный город.

– Хорошо вы сказали – славный. Я люблю Ригу... Бабушка только на латышском разговаривала дома. К ней по-русски можно не обращаться – не ответит. Друзья тоже на латышском больше общались: дети – интересно, когда русские вокруг не понимают. И я стала больше говорить по-латышски. Акцент отсюда.

– Да у вас его почти нет, напротив, даже мило.

– Я знаю, мне говорили, но немного есть, боролась с ним – он победил. Я не расстраиваюсь... что ещё рассказать?... Окончила школу в Риге. Поступила в университет на журналистику. Писать ещё в школе начала. Английский хорошо знаю. Выучила финский ещё. Теперь в Петербурге живу. Временно, я думаю. В Ригу хочу – скучаю сильно.

Наташа замолчала, опустила голову и тихо пила чай, показывая своим видом, что рассказ окончен. Картузов чувствовал недосказанность, словно Наташа хотела продолжать, но запнулась о что-то скверное. Максим тоже помолчал, подбирая слова, потом сказал:

– Знаете, Наташа, а ведь ваша жизнь, равно как и моя, не просто складывается. Не я один неприяканный такой – вас печаль какая-то гложет.

Неожиданно Наташа вскинулась, в глазах стояли слёзы:

– Да что вы знаете обо мне, Максим? Вот, хорошая девушка из Риги, красавица, с хорошим образованием и место в жизни своё ищет? Так думаете, да?! – она почти кричала, чем шокировала Картузова. – Нет, Максим, нет, ничего вы обо мне не знаете. Я – подстилка бандитская, понимаете? Под-стил-ка! ... На вас смотрю: человек цельный, хороший, твёрдых убеж-

дений. И за женщину вступиться не побоялись на улице. И согрели меня душой своей. Чужую совсем, потому как в беду попала. ... Думаете, меня просто так тащили? Нет Максим, нет! Это шестёрка к своему хозяину меня волок, как собаку сбежавшую... И нету, Максим, мне исхода из этого ада куда я попала по глупости своей. Поверила человеку, а он злым оказался, ещё и бандитом тоже. Теперь только в петлю остаётся, но не могу я – мама не переживёт. Одна я у неё. Одна...

Наташа выговорила и надолго замолчала, не пытаясь, впрочем, выскочить и убежать. Картузов тихо, как-то по-отцовски, осторожно гладил её по голове, ничего не говоря, а она, молча, плакала, уронив голову на руки.

Впервые, за многие месяцы, плакала рядом с другом.

Глава 4

Наташа – История полонянки

Картузов, проводив Акима, пил чай, вспоминая подробности того июньского дня, когда он познакомился с Наташей и дальнейшее развитие их отношений.

«Если ты могла явиться мне, молнией слепительной Господней, и отныне я горю в огне, вставшем до небес из преисподней», – пробормотал Максим.

Вспоминал её рассказ и невольно кулаки сжимались от бессилия.

Наташа ещё долго тогда сидела у него в гостях. Подходили и уходили клиенты, брали и возвращали кассеты, спрашивали совета... С интересом поглядывали на ослепительную красавицу, словно сошедшую с экрана романтического фильма.

Выплакавшись и успокоившись, Наташа попросила умыться, а после решила доверить Максиму свою злополучную историю.

У каждого в жизни бывают моменты, когда нужно выговориться.

– Только у меня есть большая, нахальная просьба, Максим, давайте на «ты» перейдём, если вы против не будете, а? Я вас другом своим вижу, а с друзьями принято близко обращаться. Вы не против?

– Буду только рад, Наташа, сам бы не посмел предложить, – искренне отвечал Картузов.

– Вот и замечательно! Тогда «на брудершафт»? – Наташа подняла вверх свою чашку с чаем. А потом просто, легко и тепло поцеловала его в губы.

С Владимиром – так звали её деспота, от которого не было спасения – они познакомились два года назад в Юрмале, где Наташа отдыхала после окончания университета.

Вначале он совершенно не произвёл на неё впечатления: невысокий, крепкий, тёмноволосый, с колючими, глубоко посаженными глазами на широком скуластом лице, возрастом далеко за тридцать. Было в его облике нечто отталкивающее, подчиняющее, жёсткое. Но он так красиво начал ухаживать, галантно и щедро: засыпал её комнату дорогими цветами, снимал целый ресторан с живой музыкой на двоих, а однажды настоящий струнный квартет играл всю ночь под её окнами Вивальди и Моцарта, которого Наташа обожала... Не был нахальным, назойливым – скорее, сдержанно-настойчивым.

Говорил, он владелец крупного бизнеса в Петербурге, одинок и ищет такую, как она – единственную, неповторимую, нежную, прекрасную. Он оплатил её маме дорогостоящую операцию на сердце, когда Наташа вскользь пожаловалась на проблему...

Ну, как она могла устоять после этого?

Владимир обещал сказочную жизнь в городе на Неве, работу в известном периодическом издании, где главный редактор – друг детства, рауты, приёмы, выставки, тусовки... да ещё всю географию мира в придачу – чего душа возжелает.

И крепость пала.

Когда они приехали в Петербург, всё резко изменилось. Наташа скоро поняла, что нужна своему избраннику лишь как дорогая вещь: в качестве красивого эскорта, которому все завидуют на выходах в общество; в поездках, как хороший переводчик; в постели, как послушная кукла.

Он забрал её документы, «чтобы не наделала глупостей», оставлял постоянно одну, вспоминая о ней лишь по надобности. Всюду её сопровождал охранник с машиной, дежуривший круглосуточно.

Да, она могла тратить довольно большие деньги в бутиках и салонах красоты, могла покупать довольно дорогие украшения, которые Владимир убирал в небольшой сейф и «выдавал по запросу». На этом её свобода заканчивалась. Ни о какой работе в журнале речь уже не шла.

Как-то она попросила права одной гулять по городу и распоряжаться собой и услышала лишь: «Забудь, это опасно! Чего тебе не хватает, у тебя же всё есть». Причём Владимир даже не жил с ней, наезжая, когда вздумается. Косвенно, из разговоров охраны, она поняла: он женат и дети у него есть.

Наташа наконец взбунтовалась, устроила скандал, требуя вернуть её паспорт, диплом и отпустить домой в Ригу, обвиняла его во лжи и лицемерии. Он спокойно, не ввязываясь в спор, выслушал её. «У тебя всё?» – «Всё», – а после этого она получила такую затрещину, что потеряла сознание и лицо болело неделю. Через неделю он наведлся: «Имей в виду, это было лишь предупреждение. Будешь кочевряжиться, выпорю ремнём – шкура клочьями ползет. Убежишь – мама за тебя ответит – Рига рядом, там наших хватает». Наташа поняла – она попала в полную зависимость от мучителя. Ещё она поняла – Владимир крупный криминальный авторитет, может сделать с ней, что пожелает и слово своё сдержит. За окном стояли «лихие девяностые» и Лихо стало её тенью.

Ещё через полгода такой жизни Владимир к ней почти охладел, использовал исключительно как дорогой аксессуар. Наташа стала привыкать к плену – человек ко всему привыкает. Исхода она не видела – угроза расправиться с матерью связывала руки. Мобильного телефона у неё не было – Владимир запретил: «Звони всем, кому хочешь со стационарного, в чём проблема?», а стационарный телефон наверняка записывался и лишнего по нему не скажешь. Маме она звонила часто, говорила, всё у неё отлично, а сама готова была разрыдаться, слыша родной голос.

Долгое время она вынашивала план побега. Нужно только предупредить маму, чтобы та потихоньку оставила квартиру и перебралась хотя бы в Елгаву, где жила её близкая подруга. В конце концов, он не всемогущ и не будет искать женщину по всей Латвии – слишком это дорого и хлопотно. Сама же Наташа надеялась получить защиту в консульстве, которое с охотой раздует скандал о бедной латышке, похищенной русской мафией. Как только дело получит широкую огласку, её не посмеют тронуть. Консульство сделает новые документы, она уедет, найдёт маму, а там будет видно, как жить дальше. Но боясь расстроить близкого человека, всё тянула, надеясь на чудо.

А первого июня этого года случилось неожиданное событие – на Владимира было совершено покушение. Весь криминальный мир «стоял на ушах», суеты было много. Охрана ослабла, никто не знал, чем закончится этот новый гамбит, в котором фигура осталась на доске, не погибла – выживет Владимир или нет? Состояние его было тяжёлым. Охранник, дежуривший у её дома, не дождался смены. Поднялся к ней наверх и предупредив, чтобы она заперла на задвижку бронированную дверь и никому не открывала, уехал выяснять ситуацию.

Наташа, так соскучившаяся по воле, не собиралась бежать – она даже ещё не знала о покушении. Оставшись «без присмотра», решила и просто пошла гулять по городу, недалеко от дома, пешком, без сопровождающих мордоворотов и чужих глаз. Побродила пару часов по Парку Победы, покормила уток хлебом, поела мороженого. Она наслаждалась этим давно забытым чувством свободы, когда никто не стоит за спиной и не контролирует каждый твой шаг. Восторг кружил голову. Наконец она вышла на Московский проспект и тихо шла в сторону Монуменга героическим защитникам Ленинграда, но дойти не успела. Её, идущую одну по улице, случайно увидел Компостер – один из охранников Владимира, проезжавший мимо. Удивившись такому факту, он развернулся, остановился на её пути, а когда она оказалась неподалёку, выскочил из авто и попытался затащить её в машину – потом уж разбираться, как она оказалась одна на улице. В этот самый момент и вмешался Каргузов...

«Дурак он настоящий. Бежать я не собиралась, не готова ещё. Просто погулять хотелось. Я вернусь, деваться некуда», – говорила Наташа.

Когда клиенты уже пошли один за другим, Наташа начала прощаться. Она взяла с Максима слово, что он в течение месяца не станет ходить на работу пешком по этой дороге, а лучше бы ездил на троллейбусе: «Ты пойми, Максим, они очень люди злые и мстительные тоже. Будут каждый день ждать тебя в это время, пока не пройдёшь. Могут побить сильно, убить даже. Это у них правило такое. Обещай, что не пойдёшь там, да? Обещай, Максим». Картузов обещал.

Наташа, успокоенная его словами, мягко поцеловала его в щёку и пошла к выходу.

«Мы увидимся ещё, Наташа?», – с надеждой спросил Максим. Она оглянулась, чуть подумала, улыбнулась печально: «Прощай! Не знаю, увидимся ли вновь. Холодный страх пронизывает кровь», – неожиданно процитировала она. «Прости, Максим, я себе не хозяйка», – и ушла, под мелодичный звон дверного колокольчика.

А через три дня, утром, вскоре после открытия, когда Картузов не ждал от жизни чудес и со щемлящим чувством вспоминал Наташу, мучаясь неведением её состояния и нынешних дел, звякнул дверной колокольчик и он услышал то, что хотелось слышать больше всего на свете.

– Здравствуй, Максим Андреевич! Доброе утро! Помнишь ещё меня, нет?

В дверях стояла Наташа, освещая улыбкой мир и глаза её смеялись. Она, до невозможности мило смотрелась в коротком голубом платице из жатки и летних белых туфельках на невысокой подошве.

– Наташа, здравствуйте! – счастливо и растеряно заулыбался Максим. Как вам удалось?..

– Максим, Максим, – укоризненно погрозив пальцем, весело отвечала Наташа. – Разве я зря тебя целовала? Ты забыл, как обращаться к другу, да?

– Ой, прости, Наташа, – обескуражено произнёс Картузов. – Твой приход ошеломил слегка, хотя он для меня самый желанный подарок.

– Значит, не забыл, бедную латышскую девушку?.. Шучу, Максим, шучу я. Знаю, не забыл, иначе не ты был это... Чаем в вашем прокате угощают? – и Наташа, открыв пакет, выставила на стол небольшой торт. – Я знаю, Максим, ты переживал за меня, знаю. У тебя большое сердце, доброе.

– Не хвали меня, зазнаюсь. Лучше рассказывай, что случилось – так за тебя боялся, а я пока чаем займусь, – суетился Картузов.

Девушку до слёз тронула та неприкрытая радость, с которой встретил её Максим, та суевливая растерянность, говорящая о многом и счастье, лившееся из его глаз. Она очень давно не встречала в людях этих чувств, а без них грустно быть одной на свете.

И Наташа начала рассказ о том, что случилось за эти дни.

Когда она пришла домой, её встретили в дверях квартиры сразу два охранника. Было видно их тревогу и явное облегчение при виде живой – невредимой хозяйки. На кухне сидел злой Компостер с фингалом на лице, который глянул на неё с ненавистью, но хамить не посмел, только спросил:

– И кто это был, Наталья Сергеевна, вы конечно не знаете?

– Откуда мне знать? Мужчина, проходил мимо, вмешался в наши ... разногласия. Помог и пошёл своей дорогой. Я, что, ещё оправдываться перед тобой должна? Приедет Володя – пожалуюсь ему, как ты мне руку ломал на улице.

– Не приедет, – траурным голосом сообщил Компостер. – Он в больнице лежит, ранен тяжело, ещё не знают, выживет или нет. Врачи над ним суеются. Говорят, руку потерять может. Вот так, Наталья Сергеевна.

Сердце Наташи заколотилось – «Может, отпустят?» – первая мысль, пришедшая ей в голову. – «Может быть этот дурной сон наконец закончится?» Сама же виду не подавала, изображала беспокойность:

– Как это ранен? А куда же охрана смотрела... к нему можно?

– Пока нет, в реанимации он. Я ему передам, что вы волнуетесь... У вас всё нормально? Зачем из дому ушли?

– Я не ушла, я вышла. Погулять захотелось, самой, без вашего присмотра. Неужели не понятно? Надоело мне под конвоем ходить. Скажи лучше, когда Володю позволят навестить?

– Я человек маленький, Наталья Сергеевна, как только будет можно и будет его воля, сам вас отвезу.

Вот такой разговор состоялся у Наташи с охраной, а через два дня Компостер заехал за ней на большом чёрном джипе и сказал: «Собирайтесь, едем в больницу!»

У палаты в дверях и коридоре встретила охрана. Владимир был слаб, но в сознании, окружённый медицинскими приборами наблюдения, рядом капельница, медсестра. Сам бледный словно смерть, он пытался шутить и улыбаться:

– Ну, что, соскучилась, милая?.. Слышал, слышал о твоём своеволии – уважаю. Вернулась, значит? Сама?.. Молодец, Ната, правильно поступила. А знаешь, что я решил? А гуляй себе на воле по четыре часа в день! Рада?

Наташа изображала и заботу, и радость, и волнение за него, благодарила и убеждала, что он поправится, а она от него никуда не денется и всё ещё будет хорошо.

Вскоре вошёл врач и сказал: «На сегодня довольно. Вам нельзя волноваться. Посещение закончено, процедуры будем делать».

Когда Наташа вышла, Компостер задержался. Владимир сказал ему: «Наташка на поводке, никуда не денется. Пусть гуляет по четыре – пять часов, если ей хочется. Не следи за ней, она очень наблюдательна, заметит. А то, чего худого сотворит или глупого. Понял меня хорошо?» Компостер кивнул и вышел вслед за Наташей.

– И вот теперь я могу вполне свободно ходить к своему другу в гости, гулять по парку и летать на метле, когда не видит никто, – завершила рассказ Наташа.

– «Объединит крылатая надежда единой волей сотни наших воль! Король с ней – бог! А нищий с ней – король!» – продекламировал Картузов в конце Наташиного рассказа. – Будем надеяться, тебе удастся твой план, или Он сам отпустит на волю. Как бы я хотел помочь ...

– Не будем про это, Максим, – перебила Наташа. – Не будем о грустном. Стену лбом не прошибёшь, такая, кажется у русских поговорка? Ты не можешь остановить дождь или ветер – этот случай, то же самое. Ты можешь только умереть глупо, а тогда я потеряю одного друга. Нет, не так – единственного друга в этом городе. Давай проживём сегодня счастливо, да?

Они здорово сидели за чаем и ели вкуснейший торт, до которых Картузов был так охоч. Говорили о пустяках и о важном; только личных тем не касались. Часа через полтора Наташа попрощалась, взяла кассету в прокате – «Дюна» Дэвида Линча и обещала зайти через день.

– Я уже не буду работать, меня Аким сменит, – расстроено сказал Картузов.

– А-а-а ... ну вот, хорошо. Познакомлюсь с Акимом значит. Заодно и выпытаю у него все твои тайны. Ты говорил он отличный парень, да? Молодой, красивый? Значит, общий язык я с ним найду, – подзадорила Наташа. – Увидимся, Максим Андреевич!.. – она пошла к выходу, в дверях оглянулась и добавила, – Я так рада, что ты теперь есть. До свидания!

Глава 5

Про кино и не только

С того самого дня Максим стал видеться с Наташей в прокате два-три раза в свою рабочую неделю. Каждое такое «свидание» делало Максима счастливым, наполняло жизнь его смыслом, а Наташа становилась для него всё желанней и роднее. Весёлая, задорная, с постоянным живым интересом к окружающему, она воплощала для Картузова острей мироздания. Он отдавал себе отчёт, что гибнет и с каждым новым её посещением жизнь его всё больше теряет всякий смысл без этой волшебной девушки. Понимал он и то, что общего будущего для них нет и быть не может; слишком уж они были разными в своём подходе к этому будущему.

Наташа – яркая, стремительная, умная и неуёмная в желании к жизни: новым впечатлениям, знакомствам, нарядам, странам, городам, любым собраниям людей под одной крышей, объединённых общими интересами, будь то выставка импрессионистов, соревнования по дзюдо или конференция во Дворце Профсоюзов. Наташа поражала своей коммуникабельностью. Она очень верно выбрала профессию и соответствовала ей на все сто процентов. Картузов просто не представлял, как она сидит в квартире одна, лишь изредка выбираясь в свет. Эта девушка рождена блистать в обществе, на радио, на экране телевизора, впитывать в себя, как губка, все впечатления этого мира, а потом раздаривать их всем желающим. Люди должны любоваться ею, слушать её, верить ей. Только тогда она может жить полно и счастливо.

Максим же, напротив, был, скорее, сродни «кабинетному червю». Жизнь он любил размеренную, неспешную, расписанную на обозримое время вперёд. Не любил экспромты, суету, шум. Не любил толпу. Только личность, как самостоятельная единица мира, интересовала

Максима Андреевича. Будучи учителем, уроки свои вёл спокойно, вдумчиво, не повышая голоса, но, что любопытно, ученики при этом быстро затихали, слушали – не дыша и старались соответствовать своему педагогу. А всё оттого, что в каждом ученике Картузов видел, прежде всего, Человека, искренне ему интересного, а уже потом – учащегося средней школы.

Наташа раскрылась как презанятнейший собеседник. Всесторонне эрудированна, она тонко отличала истинное от ложного, наносное от настоящего. Умело вела диалог, колко задавая провокационные вопросы, вызывала собеседника на откровенность и переводила разговор в русло, по которому хотела плыть. Журналист от бога, что тут скажешь. Неплохо ориентировалась в живописи, кинематографе, театральном искусстве. Обладала безупречным вкусом во всём, по утверждению самого Максима.

Картузов не больно жаловал кино. Фильмы предпочитал лишь «серьёзные», заставляющие «попотеть мозгом». Любил Тарковского, Рене, Бунюэля, Годара и, конечно же, Ингмара Бергмана... Наташа смотрела и кино не для всех, и хорошие мелодрамы, и «задумчивую» фантастику. Она убедила Картузова посмотреть «Бегущий по лезвию» Ридли Скотта. Максим добросовестно начал смотреть фильм на видеодвойке, стоящей в прокате, ожидая два часа маяты у экрана. Своего видео у него не было – дорого. Неожиданно для самого, фильм увлек, и он получил большое удовольствие от просмотра. Когда Наташа в следующий раз пришла в прокат, Максим заговорил о «Бегущем» и они полтора часа обсуждали героев и идею картины, а Наташа лукаво улыбалась – ей нравилось открывать для людей незнакомые ранее грани проявлений жизни. В чём сходились во мнениях, так это в неприятии пустого киномусора, ничего не несущего кроме визуальных эффектов и нервной щекотки.

Так замечательно пролетело лето. Больше всего Картузов стал ненавидеть выходные – ведь это была целая неделя без Наташи. Считал дни, а с субботы – часы, до их встречи в прокате.

Пригласить Наташу к себе домой на чай ему казалось немислимым. Как можно показывать этой девушке свою нищету и убогость быта? Так думал Картузов, а Наташа даже не заикалась о встрече вне стен проката.

Однажды Максим робко намекнул, что пойдёт на выходных гулять в парк... Наташа прервала его, положив свою ладошку ему на руку:

– Максим, я была бы рада, правда, очень даже, гулять с тобой по городу, в кафе сидеть, общаться каждый день. Ты умеешь быть всегда интересным, даже думаю, когда молча будешь читать книгу. Но пойми, я должна быть очень осторожна, да? Если меня случайно увидят в прокате, это просто – зашла фильм взять, что такого? Когда иду – останавливаюсь не раз, слежку ищу. А если меня увидят с тобой на прогулке – объяснить нельзя, тем более, что тебя не забыл тот бандит, помнишь его? Нам не нужно рисковать сейчас, так? Только пойми правильно меня, мне тоже больно, что я такой плохой друг и не могу видеть тебя, когда хочу. Не обижайся, Максим, ладно? Мне больно если ты обидишься. Я тебя прекрасно понимаю, правда, но я очень опасная девушка. Ты так понял меня, да?

– Да, ты права, конечно, это я сплеховал, – с чувством лёгкого стыда за маломыслие отвечал Картузов и больше уж не возвращался к этой теме...

А что же происходило с раненым Владимиром? Наташа рассказала, что он долго лечился в больнице, лишился руки и сейчас уехал на лечение – восстановление в Швейцарию. Хотел вначале взять её с собой, что Наташе вовсе не улыбалось, но потом передумал – всё одно лежать в клинике круглосуточно, а она вроде и не у дел, только будет проживать деньги и тратить большие суммы в местных магазинах. Лечение само по себе не дёшево. Наташа осталась под

присмотром до «величайшего решения» и о том, как дальше сложится её судьба, старалась не думать.

Ничто не вечно под луной, как сказал Шекспир в одиннадцатом сонете. И в сентябре, еженедельно дозируемое счастье Картузова неожиданно кончилось. Не пришла Наташа. Ни в первую его рабочую неделю сентября, ни в следующую.

Он не ведал, какие события скрывают её. День за днём проходил лишь в чаянии одного: «Здравствуй, Максим! Ты меня ждал, да? Я тоже ждала, когда смогу тебя увидеть. Чаем угостишь?» Но дни тянулись серой чередой, а Наташи всё не было. Максим уже не сомневался, с ней случилась беда и неспособность помочь или хотя бы узнать, что с ней, загоняла в тупик.

Вот тогда-то, после сдачи смены своей второй «недели одиночества», он и запил, понимая слабость и бессмысленность своего поступка, но устав от постоянной боли неведения.

Пьяный туман, словно наркоз, тормозил мозг и мысли. Не было в мире ничего, кроме очередной бутылки водки и желания вылечить похмелье. Даже Наташа отступила на второй план и грустно взидала из уголка затуманенного сознания, на то как умный и добрый человек перерождается в растение. В пятницу Картузов почти не пил, в субботу держался, но протрезвел и получив к похмелью в голову все свои ранние сомнения – опасения, в воскресенье продолжил.

А в понедельник он вышел на работу, под одобрителный вердикт Розы Семёновны.

Глава 6

Здравствуйте, Максим Андреевич!

Услышав от Акима о визите Наташи в прокат, Максим бурно прореагировал, чем выдал себя с головой. Аким, конечно же, человек тактичный и в чужую жизнь не полезет, но всё одно оставался неприятный осадок, словно он выдал самую сокровенную свою тайну жизни и оказался предателем. А теперь ещё, хочешь – не хочешь, но придётся объясниться с напарником, поскольку их отношения с Акимом предполагали полное доверие.

Но всё это ерунда полнейшая. Новость о возвращении Наташи, в один миг освободила Максима от непосильной ноши, которая лежала на нём последний месяц. Он словно обрёл сломанные невзгодами крылья, и внутри зазвучала звонкая нота счастья: «Она жива! Жива и невредима! Я увижу её! Жить можно – большего не прошу!», – примерно так пел жаворонок в душе Картузова. Он невпопад отвечал Аким, конец беседы оказался скомкан, но Аким поймёт. «Я потом всё ему расскажу. Главное – Наташа в порядке. Это главное», – думал счастливый Картузов.

Когда Аким ушёл, Максим стал вспоминать всю историю своих отношений с Наташей, знакомство, нокаут у сквера, испуганную и затравленную девушку в первые минуты, когда он вёл её под руку по улице, а позже поил чаем и отвлекал беседой... Каждое её посещение, каждую встречу и каждое слово, сказанное друг другу, всплывало в памяти и несло тепло. И её поцелуй – тот, единственный, в самый первый день, когда Наташа решила перейти с ним на «ты»... И её трагичная исповедь, которую он разделил и нёс всё это время, тяготясь невозможностью изменить хоть ничтожную малость...

Так сидел Картузов, перелистывая дневники памяти, когда звякнул долгожданный колокольчик, и он услышал:

– Здравствуйте! Здравствуйте, милый Максим Андреевич! Ну, наконец-то я вижу тебя – это счастье, да?

Наташа стояла на пороге, загорелая, посвежевшая, пропахшая впечатлениями и морской солью – это было видно сразу. Она улыбалась светло и широко, а глаза внимательно смотрели на Максима, словно искали что-то и не находили.

– Наташа! – растеряно улыбаясь, Максим не мог взор отвести от девушки. – Пришла... Как хорошо! – потом засуетился, стараясь не смотреть в глаза. – Проходи скорее, садись, рассказывай, как ты, где пропадала целый месяц... Ты так неожиданно исчезла, я не знал, что и думать, извёлся...

Улыбка медленно сползла с лица Наташи. Она подошла к нему, протянула руку и тихо погладила его по щеке, не отводя от Максима пытливого взгляда:

– Бедный... Ты страдал, да?.. Но зачем ты пил, Максим? Разве тебе стало легче? Ты выглядишь скверно... Тебе плохо, да?

Максим замер, накрыл своей ладонью её, поднял глаза и посмотрел на Наташу:

– Мне не плохо. Мне вообще никак... Без тебя – никак. Я испугался – вдруг... Мне просто нужно знать, что ты жива, ты есть, и с тобой ничего не случилось. Не важно, рядом ты или далеко, понимаешь? Просто испугался... Сам не знаю, как получилось... Полгода не пил ни капли. Сорвался. Не смог боль терпеть – слабый я, прости.

Наташа помолчала, глаза её блеснули; она, словно проглотила вдох и попросила:

– Ты не слабый, ты просто близко принял меня в своё сердце... Обещай мне, Максим, пожалуйста, обещай – ты никогда больше не станешь напиваться допьяна, да? Если Наташа хоть что-то значит тебе... для тебя, ты не будешь пить, так? Правильно?

– Обещаю, Наташа, честное слово, ты только не обижайся, ладно?

– Обижаться? Мне? ... Это ты обижаться должен. Но я не могла сообщить, правда. Пришла с прогулки, а меня уже ждёт охранник, говорит: «Вечером вылет, собирайся скорее», – я ему, – «Куда?», а он отвечает, Владимир поручил путёвку купить на круиз и ехать со мной, сопровождать в поездке, чтобы не случилось ничего плохого по дороге. Владимир решил, я сильно скучно живу, отдохнуть мне надо, развеяться – он не знает, что я только теперь и живу... Я очень была, как на иголках, что не могу сообщить – знала, больно тебе станет. У меня новостей много, давай посидим ладком – так говорю? Угощай меня, Максим, я соскучилась по твоему чаю!

– А по мне? – полушутя спросил Картузов.

– По тебе больше, чем по чаю, – серьёзно ответила Наташа. – Я тебя вспоминала. Чаше, чем это прилично. Мне очень тебя не хватало, Максим, правда... Но чай-то будет, да?

– Сию минуту, барышня, – Максим начал быстро накрывать на стол, кипятить чайник. – Будет, обязательно будет, да не просто так, а с лимончиком! Ты рассказывай пока, где была, что видела.

– Много где была, Максим. На теплоходе плавала: Рим, Картахена, Гибралтар, Барселона, Марсель, Монте-Карло... много где была. Заходили в порт, стояли, по городу гуляла ... под присмотром. Радости только мало принесла мне поездка эта. Конечно, красиво всё, интересно тоже. В языке попрактиковалась немного – они английский хуже меня все знают, – улыбнулась Наташа. – Испанский буду учить – красиво!

– А понравилось больше всего что? – поинтересовался Максим, разливая чай.

– Понравилось?... Барселона понравилась очень: Гауди. Церковь Святого Семейства, дворец Гуэля, дома Мила и Бальо – это такая замечательная архитектура – странная, несуразная и притягательная – нужно видеть. У дизайнеров есть такой слоган – «Всё уродливое прекрасно!». Дом Мила это каменоломня, а Бальо, словно шкура дракона, представляешь?... На картинках не то – всё равно, что чай пить с пирожными вприглядку... Да! – Наташа спохватилась, открыла пакет и достала оттуда упаковку со свежими пирожными. – Это к чаю... А это тебе, Максим, тоже в Барселоне купила. Тебе на память о Наташе, хорошо? – она достала большой картонный куб и поставила перед Картузовым. – Посмотри, нравится?

Картузов, у которого ёкнуло в груди от слов: «Тебе на память», молча, с некоторым усилием, поднял крышку и посмотрел на содержимое. Ящичек был очень плотный: какой-то двойной несминаемый картон с жёсткой пластиковой прокладкой между слоями. Внутри всё было заполнено синтетической соломкой. Он вынул упаковку рукой – из под соломки выглядывала какая-то бронзовая фигурка. Картузов достал её и поставил на стол. Это оказалась скульптурка Дон Кихота с копьём, верхом на лошади. Сделана она была весьма искусно, с глубокой проработкой деталей, не карикатурно и по виду напоминала антиквариат. Максим молча смотрел на неё.

– Тебе не понравилось, Максим? – забеспокоилась Наташа.

– Неблагодарность – дочь гордости и один из величайших грехов, какие только существуют на свете, – процитировал Максим. – Спасибо огромное! Очень мило и здорово, Наташа... Это я?

– Это просто память. А ты – ты мой светлый рыцарь, Максим.

– Почему – память? Ты больше не придёшь? Уезжаешь, да?

Наташа молча пила чай и не отводила от Максима глаз. А глаза у неё были большими, синими и печальными.

– Я грущу, Максим. Никогда не думала, что бывает грустно от радости, а теперь мне грустно, оттого, что сбылась мечта моя, на которую я не питала, даже, надежду.

– Ты загадками говоришь, Наташа, объясни, – попросил Картузов, догадываясь о причине её радости.

– Владимир отпустил меня. ... Охрану снял совсем. ... Говорил со мной по телефону – видеть он меня не желает, я поняла. Он сильный. А сейчас – ущербный, без руки, слабый, едва жив остался. Долго ещё лечиться. На многое смотрит по-другому. Он не хочет мне показать слабость, не хочет, чтобы я видела его калекой. ... Объяснил, что женат, меня обманывал, и дочь у него есть. Прощения не просил, нет. Сказал, что я свободна, как птица вольная и могу ехать, куда захочу. Дарит мне серьги и перстень, дорогие очень, ещё денег – тридцать тысяч долларов, наряды... Отказаться нельзя – обидится, накажет. В благородство играет. Предлагал квартиру купить мне, на одну комнату, хорошую, тут в Петербурге. Но я сказала – скучаю, поеду домой, в Ригу. Я боюсь этот город. Петербург – прекрасный, великий демон, но я его боюсь навсегда. Вдруг Владимир передумает – спасения не будет. Хочу уехать скорее. Хочу в Ригу, к маме.

Наташа замолчала. Было видно, что ей непросто сообщать Максиму эту новость.

Максим не отрываясь, смотрел на Наташу и по мере рассказа, лицо его светлело. А когда она закончила говорить, он порывисто схватил её ладони в свои:

– Так это же здорово, Наташа! Я несказанно рад за тебя и за маму твою тоже. Все эти дни только одна мысль – «Чем помочь?» и в голову ничего не шло, а тут, так всё счастливо разрешилось.

– Я уеду через четыре дня, Максим. Уже билет на самолёт взяла, – голос её был безжизненным. – Уеду, не вернусь сюда больше. Ты это понимаешь, да? Мы никогда не увидимся с тобой, Максим. Мне очень больно это знать, правда.

– Через четыре, – прошептал Максим. – Всего четыре дня...

Он осознал, наконец, что видит её последние часы. А дальше мир продолжит своё существование: также будут развозить хлеб по булочным, убирать город, брать фильмы в прокате, но всё это будет уже без Наташи. Без её трогательного акцента и той «промежуточной» по звучанию буквы между «Э» и «Е», когда она произносит его отчество – «АндрЕЕвич». Не будет её улыбки, и глаз, и мягкого участия во всех его делах. Не будут они пить чай вместе... Не будет больше Наташи... А что же останется?... Наверное, что-то останется. Он разберётся. Потом.

– Ты даже проводить меня не можешь, Максим. Будут провожать *эти*, – последнее слово она словно плюнула с брезгливостью и отвращением – Картузову стало стыдно за свои мысли. Она такое вынесла, а он...

– Жаль, что не смогу проводить, мне бы хотелось, – он костенел внутри; как-то вдруг, внезапно, упало на него небо, прижало – он лежал под ним не пытаясь выбраться, сознавая всё более ясно катастрофу – «Наташи не будет!».

– Ты можешь только со стороны глянуть, но зачем? Того бандита, нет в городе, тебя не узнают. Но будет только больнее, Максим.

– Если ты разрешишь, я всё же провожу... со стороны. Ещё раз увидеть тебя, не может быть лишним.

Наташа замолчала. Взяла его руку в свою и тихо сидела, думая о чём то потаённом, а Максим сидел рядом, молча, не тревожа её вопросами и не отнимая руки... Он начинал прощаться.

Звякнул колокольчик – пришла постоянная клиентка. Картузову пришлось встать, отняв у Наташи руку, говорить о чём то, советовать. А женщина, как на грех, была в настроении поболтать. Всё зыркала глазами, то на Максима, то на красивую девушку, сидящую в стороне

за столиком, всё не могла выбрать фильм. Наконец, когда терпение Картузова практически исчерпало себя, она взяла кассету и пошла восвояси.

Наташа за это время пришла к какому-то решению. Она встрепенулась, улыбнулась виновато Максиму:

– Я расстроила тебя, да? Но как нам быть, я выхода не вижу. Я даже не знаю, Максим, что между нами? Ты такой молчун.

Картузов взглянул на Наташу внимательно, покачал головой:

– Знаешь, всё ты знаешь, Наташа. Но какая разница, если мы расстаёмся, – он пожал плечами. – Коль скоро тебе будет легче, то знай, я тебя,.. – он неожиданно запнулся – понял, что не должен говорить Наташе ничего о своих чувствах, напротив, нужно убедить, что он – просто её друг, принявший участие в её судьбе. К чему девушке лишняя тревога и больные воспоминания? – Я тебя очень ценю, Наташа, – выдавил Картузов, люто ненавидя себя за это. Наташа даже спину выпрямила от возмущения.

– Ценишь?! Ты меня – ценишь?! Это как, Максим?!

– Ты мой самый дорогой и близкий человек, у меня ведь не осталось никого, ты знаешь, – продолжал мямлить Картузов.

– Максим, зачем ты так со мной, а Максим? – Наташа чуть не плакала. – Ты себя умным – благородным считаешь, а меня дурой набитой, да? Я не понимаю разве, зачем ты мне эту... – она сдержалась и заменив слово, готовое сорваться с языка, продолжила, – ... эту ерунду сейчас в уши мои льёшь, да? Хочешь, чтобы я думала, ты равнодушен ко мне? Так ты хочешь, да? Полагаешь, мне легче будет?.. Как тебе не стыдно, мужчина? Ты у меня спросил, что я хочу, нет?

– Я люблю тебя, Наташа, – прямо глядя ей в глаза, неожиданно произнёс Картузов. – Люблю больше самой любви. Ты – единственная женщина в жизни моей, заставившая понять, как это... И действительно мне дорога и близка как никто в мире. Но нам не быть вместе, а значит...

Максим замолчал, продолжая смотреть в её глаза. А глаза, морозившие минуту назад льдом возмущения, теплели и теплели, лёд таял, и на глазах появилась влага.

– Я тоже люблю тебя, Максим Андреевич, – ещё сердито, сказала Наташа. А потом подошла к нему, обняла и поцеловала – долго-долго, не отнимая губ.

Глава 7

Наташа – Радомир – Странная просьба – Новые друзья

– Кхм-кхм, прошу прощения, – донеслось за стойку из зала для посетителей.

Как прозвонил колокольчик, они не слышали, а голос продолжал:

– Я прошу прощения, молодые люди, неловко навязывать своё общество в столь тонкой ситуации, но у меня оправдание – было открыто.

Наташа не отпрянула испуганно, а неохотно, с истомой, оторвалась от губ Максима, оправила волосы и улыбнулась пожилому мужчине лет шестидесяти, взиравшему на них весёлыми глазами. Улыбка её была настолько искренней и счастливой, а где-то даже озорной, что тот немного смутился.

– Здравствуйте, рады видеть вас в нашем прокате, неожиданно приветствовала Наташа, умышленно усилив свой завораживающий акцент. – Вы посмотреть, что желали? Уже фильм выбрали, нет?

– Здравствуйте, Радомир Карлович, – приветствовал мужчину Картузов. – Давно не заглядывали, что так?

– О, Радомир? – восхитилась Наташа. – Очень редкое имя. Радомир, это можно говорить Райя, да?

– Можно, – улыбаясь, подтвердил мужчина. – А вас как величать?

– Меня зовут Наталья Сергеевна, – церемонно резвясь, отвечала Наташа. – Но для мужчины с таким редким именем, можно просто Наташа.

– А меня тогда называйте просто Райя, – поддержал игру Радомир.

– Так вы, что посмотреть желали, Райя?

Картузов махнул рукой, присел за столик и начал поглощать самое большое пирожное, запивая чаем и получая несказанное удовольствие от театра двух актёров для одного зрителя.

– Понимаете ли, Наташенька...

– Наташа, да? – спокойно поправила красавица.

– Понимаете, Наташа, давно ищу фильм определённого содержания, но не выходит найти. Может, случится, вы поможете?

– Случится в этом мире может, всё, что угодно. Не всему нужно верить, – загадочно отвечала Наташа и добавила, допытываясь, уже с интересом. – А о чём должен быть фильм?

– Вы замечательно поставили акцент – именно должен, – обрадовался Радомир. – Фильм должен быть о раковом больном, который идёт к врачу и врач легко и просто лечит его, поскольку в этом фильме рак вылечить не тяжелее, чем простуду.

Наташа, несколько озадаченно, слегка по-птичьим наклонив голову набок, глядела на мужчину, пытаясь понять его чудное желание.

– Станный вы человек, Райя. Ищете фильм, заранее зная его содержание и финал. Что могу посоветовать вам я, – немного подумав, вывела резюме Наташа. – Рак, как простуду, нигде не лечат, только в будущем. Вот там, вы и должны искать такую медицину. Может быть, «Звёздные войны», да?

– Шутите, Наташа? – беззлобно спросил мужчина. – Нет, «Звёздные войны» не подходят: все эти звездолёты, бластеры, роботы... Ой, какая замечательная скульптура у вас стоит на столе, – восхитился он, заметив Дон Кихота, так и не убранного в коробку. – Вы позволите взглянуть? Очень похоже на работы Лансере. Понимаю, этого не может быть, но похоже. Возможно, по его формам фабрика Грачёва или Сазикова? Или Каслинское литьё? Такая замечательная статуэтка очень дорого стоит, знаете? В Европе, к примеру, это может стоить до 30 тысяч долларов, если это 19 век и достаточно известный мастер... Вы позволите?..

Наташа покраснела как гранат, а Картузов смотрел то на фигурку, то на неё, ничего не понимая.

– Это новодел, Радомир, ничего интересного, – отвечала она, почти утратив свой акцент. Подруга привезла недавно из Китая. Даже не бронза, так, какой-то сплав непонятный. Давайте вернёмся к фильму.

– Наташа, – неожиданно встрял в их разговор Картузов. – А вот тут сбоку есть клеймо какое-то на английском – Ремингтон. Это что значит? Я ружья знаю, выпускают такой марки.

Радомир взволновался:

– Не может быть! Ремингтон? Фредерик Ремингтон?.. Американский художник и скульптор, очень известный, в конце девятнадцатого начале двадцатого века работал; так глупо умер молодым, от аппендицита на столе хирурга... Вы позволите?..

– Это просто подделка, – твёрдо сказала Наташа. – Давайте вернёмся к фильму. Фильма именно с таким сценарием я не знаю. Возможно, похожее есть, о врачах, клиниках... Но, современной медицины нет такой. Только в будущем появится. Однако, Райя, вы не сказали о причине своего странного каприза – зачем вам фильм именно с таким содержанием?

– Журналист? – усмехнулся Радомир. – Сразу видно железную хватку... Вы, Наташа, тоже не показали мне скульптуру. У каждого могут быть свои маленькие тайны.

Наташа улыбнулась:

– А знаете, Райя, вы очень наблюдательны... Что я могу посоветовать – есть ещё фэнтези, там колдуны лечат запросто самые невообразимые напасти. Но им, за услуги, принято щедро платить золотом.

– А это может быть выходом, – задумчиво протянул Радомир.

– Что тут, в конце концов, происходит? – вмешался Картузов. – Взрослые люди, обсуждаете на полном серьёзе фэнтези? Ну ладно, Наташа, но вы-то, Радомир Карлович?

Звякнул колокольчик.

– Всем привет! – бодро поздоровался от дверей Аким. – Татьяна, проходи, не стой в дверях.

– Здравствуйте! – поприветствовала честную компанию высокая тёмноволосая девушка, немного похожая на красивую ведьму. – Я Таня, – добавила она, оценивающе поглядывая на Наташу.

– Очень приятно познакомиться с вами, Таня, здравствуйте! – отвечала Наташа. – Однако, нашего полку прибыло. Людей сегодня в прокате с утра, как никогда.

– Сейчас их станет поменьше, – успокоил Радомир. – Максим, у меня к вам только одна просьба. Помнится, вы давали мне каталог с кратким содержанием фильмов. Нельзя ли его у вас попросить – до вечера? Обязуюсь вернуть в целости и сохранности, плюс с меня бонус!

– Да не нужно мне никаких бонусов, Радомир Карлович. Вот, возьмите, – он протянул мужчине толстую книгу, на коричневой обложке которой было название «1001 фильм».

– Благодарю, – обрадовался Радомир. – После восьми обязательно поднесу, заодно и фильм подберём позакovskyристей. Всем удачного дня, а вам – особо, – попрощался он, глядя на Наташу. – Вы очень сильная девушка, только ещё не всё о себе знаете и украшения на вас непростые – несколько туманно добавил Радомир и вышел под звон колокольчика, провожаемый задумчивым взглядом Наташи.

Девушки изучали туалеты друг друга – на то они и девушки. Если с Таней всё было просто: тёмно-синие джинсы, ковбойка в клетку, чёрная осенняя куртка с капюшоном из плащевки и осенние кроссовки, то наряд Наташи был куда изысканней. На ней была плотная, серая, клешёная юбка волнами, ниже колен, из английской шерсти с красной искрой, из-под юбки выглядывали плотные, белые колготки с набивным рисунком, которые прятались в короткие красные полусапожки из тесненной кожи. Снятая красная, короткая, приталенная со свободным верхом, курточка из лайки висела на вешалке, а на юбку слегка опала кофточка из белой

ангорки, с воротом под горло. Редкое кольцо – две перевитых змеи, двуцветного золота, держащих в пастьях сияющий белый камень украшало безымянный палец левой руки. Такие же элегантные серьги штучной работы от классного мастера в виде змеиных голов, дополняли комплект. Украшения рассыпали по прокату холодные синие искры. Само собой, подобный туалет не мог не привлечь внимание.

Наташа, чувствуя несколько затянувшуюся паузу после ухода Радомира, легко разрешила ситуацию:

– У меня предложение есть, если кто не против. Мы сразу все перейдём сейчас на «ты» и без церемоний, да? Целоваться с Акимом я не стану – Таня за меня поцелует, так? Будем друзьями и будем чай пить – повод есть. Сейчас мы с Таней идём в кондитерскую за пирожными, потому как Максим Андреевич всё съел сам, – Максим, при этих словах, виновато посмотрел на пустую коробочку.

– Не понимаю, как такое случилось, – смущённо пробормотал он.

– Я, зато, хорошо понимаю. Ты просто обжора, да? – ласково сказала Наташа. – Пойдём, Таня, мальчикам есть о чём пошептаться, а мы с тобой погуляем, хорошо? – она, накинув свою курточку, взяла большую, по моде, красную кожаную сумочку и направилась к выходу. Таня, стрельнув в Максима глазами и не проронив ни слова, отправилась следом.

– А ты, какими судьбами, Аким? – с некоторой неловкостью спросил Картузов. – Пару часов, как смену сдал. Соскучился?

– Да я за Татьянкой заходил, она же тут недалеко живёт, на Ленсовета. Вот, решили к вам заглянуть, может нужно что, – немного натянуто отвечал Аким. – Извините, не хотел помешать...

– Это ты, брат, извини меня – не был с тобой откровенен до конца. Всё оттого, что не мой секрет, а половина правды всегда глупо выглядит. Так случилось, что я и Наташа... как бы сказать... мы вместе, и мы расстаёмся, понимаешь?

– Нет, Максим Андреевич, не понимаю, – честно сказал Аким. – Как это может быть – «вместе и расстаётесь»? Рассорились, что ли?

– Наташа уезжает домой, в Ригу, – вдруг сразу сникнув, устало сказал Максим. – Уезжает через четыре дня. Больше не вернётся.

– Ой, – воскликнул Аким. – А как же вы?.. Простите, Максим Андреевич, но ведь вы её любите, – прямо взглянув на Картузова, добавил Аким. – Я уж говорю, что вижу. Шила в мешке, сами знаете.

– И давно видишь? – вяло поинтересовался Картузов.

– Давно, – отведя глаза, отвечал Аким. – Как она появилась, так и сразу считай. Вы бы свой голос слышали, когда о ней говорите и выражение лица... А она, как заходила кассеты менять, так непременно о вас – вроде, вскользь, но уж слишком вскользь, понимаете?... Взгляд отведёт и спросит... И сегодня... Я и зашёл, думал плохо вам. Зря, да?

– Да что ты, Аким, что ты – я всегда тебе рад, ты же знаешь... И давай наконец на «ты», а?

– Не получится, Максим Андреевич, – улыбнулся Аким. – Привычка. И Наталью Сергеевну язык не повернётся...

– А мы его сейчас повернём, – голос Наташи, под звяканье колокольчика разрядил атмосферу. – Скажите, пожалуйста, сколько церемоний – ты почти ровесник мой, да? Тебе сколько, двадцать? А мне двадцать четыре. Сейчас не девятнадцатый век – двадцатый уже кончится скоро. Тебя, что, поколошматить, чтобы разозлить? Ну-ка, быстренько, скажи: «Максим, я очень рад за тебя и за тебя, Наташа, тоже!» Я жду! – шутливо-приказным тоном потребовала Наташа. – С места не сойду, пока не скажешь!

Аким даже несколько ошеломлен от её напора, после покорно вздохнул, глянул весело на Наташу и сказал:

– Максим, я очень рад за тебя и за тебя, Наташа, тоже!.. Ну, что, довольна?.. Ты, Наташка и заноза, должен сказать, исключительная.

Наташа расхохоталась:

– Вот это мне больше нравится! – обернулась к Тане. – Танюша, ты не в претензии, что я твоим мужчиной командую?

– Так с ним и надо, хоть ты покомандуешь, а то слова сказать не даёт, деспот, – с улыбкой проворчала Таня, выгружая из пакета пирожные, апельсины, чай в жестяной красивой банке, печенье...

– Куда столько? – удивился Картузов.

– В хозяйстве пригодиться, – Наташа подошла к нему и демонстративно чмокнула Максима в щёку. – Ещё спасибо скажешь.

Таня смотрела на Наташу с обожанием. Картузов снова подивился подруге – как можно было за пятнадцать минут так расположить к себе совершенно чужого человека, мало того – девушку!

– Ну, что, хорошая компания, – провозгласила Наташа. – Почему бы не жить? Давайте пить чай. Может случится и нам повезёт пирожных попробовать?.. Так ты в техноложке учишься, Таня?..

Когда через час, Аким с Танюшкой, совершенно очарованные Наташей, ушли, она вдруг как то поникла, погрустнела. Тихо водила пальцем по ободку чашки и смотрела на Максима, убирающего лишние приборы. Видела, он старался занять себя хоть чем-то, желая скрыть некоторую неловкость. Их прервали в тот миг, к которому вернуться было не просто. Максиму, по всему, даже не верилось, что миг этот ему не приснился, и он вёл себя несколько скованно.

– Не надо, Максимушка, – вдруг, непривычно-ласково, произнесла Наташа.

– Что, не надо? – не признался в разумении Максим.

– Не надо отказываться от того, что дарит нам судьба. Просто дарит, без всяких условий. Подарков от неё не так много, а не принять главные – большой грех, за который будешь потом расплачиваться всю жизнь ранами на своей памяти.

– Не стану, – пообещал Максим. – Пусть хоть на миг, да счастье.

– Таким ты мне нравишься больше. Подойди, сядь рядом.

Наташа полезла в свою сумочку и достала оттуда мобильный телефон Сони – небольшой, Максим таких даже не видел, серебристый и очень красивый.

– Это тебе, милый, иди, научу пользоваться – с тех пор, как с меня сняли блокаду, могу позволить себе некоторые вольности. Вот гнездо зарядного устройства ...

– Наташа! – перебил её Картузов. – Зачем ты, это так дорого, я не возьму ...

– Оставь! – строго обрубив, прервала его девушка. – Я тебе сердце своё подарила, а ты из-за какой-то мелочи чванишься. Оставь, слышишь?!

Максиму стало стыдно, он сделался пунцовым:

– Прости. Правда, прости, я глупым бываю, до безобразия.

– Безобразия мы поправим, – улыбнулась Наташа. – Теперь слушай, не перебивай, вот это гнездо зарядного устройства ...

Наташа за пять минут научила Максима пользоваться мобильным телефоном. Потребовала, чтобы он всё повторил и попробовал набрать её, уже забитый в контакты, номер. Максим добросовестно повторил и позвонил. Из красной сумочки донеслась знакомая мелодия Раймонда Паулса. Наташа достала точно такой же телефон, только красный и показала Максиму. На экране светилось одно слово: «Любимый».

– Видишь? – спросила она. – Теперь, когда захочешь рассказать, как ты меня любишь, просто наберёшь мой номер. Там денег на счету много, надолго хватит, не волнуйся.

– Спасибо, Наташа! ... Слушай, а с чего вдруг Радомир к Дон Кихоту прицепился? Я так и не понял.

– Он очень умный и хитрый, – серьёзно отвечала Наташа. – И он очень много знает. Не имею понятия, чего он хотел, но что-то ему от тебя нужно. А теперь и от меня. Будь с ним поосторожнее, хорошо?

– Ладно, как скажешь. А что, эта статуэтка действительно дорогая?

– Да какая тебе разница, Максим? Ты ведь никогда её не продашь, даже если умирать будешь, хоть это глупо. ... Дорогая, да. ... Давай договоримся, если тебе понадобится спасти жизнь: свою ли, чужую – близкую – ты снесёшь её к антиквару, попросишь цену втрое больше, чем он предложит. Не даст – уходи смело, он всё равно догонит и купит. Документы на неё зашיתי в дно коробки. Можешь предложить её для оценки в Эрмитаж.

– Я, никогда... – начал Максим.

– Дон Кихот должен спасать людей, милый, – Наташа ласково положила свою руку ему на ладонь.

– Идёт по свету Дон Кихот, шагает не спеша, дел у него не впрокорот и щедрая душа, – пробормотал Максим.

– И ещё – только вот попробуй перебить и отказаться, – строго сказала Наташа. Она достала из сумочки довольно пухлый, плотный, запечатанный конверт. Картузов молчал. – Тут деньги. Достаточно. Ты, пожалуйста, получи загранпаспорт, я пришлю тебе вызов, ты сможешь оформить визу и приехать ко мне в Ригу, в гости. Это будет так чудно! Я мечтаю гулять с тобой по Риге, показывать её. Прошу тебя, Максим! Наша история только начинается. Я уже скучаю по тебе, а мы ещё не расстались. Ты обещаешь?

– Конечно, Наташа, я тоже скучаю по тебе всё время.

– Давай мне твой адрес и домашний телефон, если есть. Я пришлю письмо, и ты узнаешь мой, – она открыла блокнотик и приготовилась записывать. Максим продиктовал номер городского телефона, адрес, почтовый индекс ... он не стал говорить, что всё это – путь в никуда.

Глава 8

Радомир – Вечерний визит – Неожиданное предложение

Вскоре, после того, как Наташа осыпала Максима дарами, она ушла, сказав напоследок: «Не прощаюсь, увидимся, скучай!» Все подарки, кроме телефона, Максим убрал в железный шкаф и запер.

День пролетал совершенно незаметно. С обеда начался наплыв клиентов: люди шли один за другим, не давая Картузову времени задуматься о собственных сложностях бытия. Но в душе его поселилось нечто светлое, давшее смысл дальнейшему пути по дороге дней. Потому, служил он сегодня с особым удовольствием и люди, чувствуя это, часто дарили свои улыбки, унося из «храма кино» хорошее настроение.

Альфред Хичкок говорил: «Фильм – это жизнь, с которой вывели пятна скуки». Картузов трудился не покладая рук в химчистке досуга и за текущий день помог вывести немало пятен, получая взамен определённое удовлетворение.

Сам же Максим витал в иных сферах. Все мысли, кружась хлопьями минут, наматывая сугробы часов, строили новую основу его существования – снежный замок, которому, хотя и суждено растаять по весне, но до того он успеет порадовать своего зодчего чистотой и обновлением. Он любит, любим и доволен уже единственно этой данности. Даже в самых смелых мечтах ему не мнилась такая развязка. Героиня одного старого фильма в финале произнесла слова: «Теперь можно и умереть». Примерно так чувствовал себя Максим сегодняшним днём – днём, изменившим его, прежнего, и давшим смысл всей его жизни в настоящем. Умирать, само собой, он не собирался. Полный животворящего обновления, Максим не загадывал на грядущее, глотал минуты нынешнего и не мог остановиться, чувствуя необратимость происходящих с ним изменений.

После восьми вечера поток посетителей всегда спадал. Люди ещё заглядывали, но всё реже и реже. Потому, когда колокольчик сообщил о позднем госте, Картузов не удивился, увидев в дверях Радомира Карловича. Но вместо степенного, презентабельного мужчины, в помещение ворвался испуганный, затравленный человек и бросился с мольбой прямо к стойке:

– Умоляю, Максим, объяснять некогда – спрячьте меня скорее куда возможно. Вопрос жизни и смерти, если они поймают меня, мне конец. Умоляю!

Ни слова не говоря, Максим открыл дверцу и пропустил Радомира в служебную часть помещения за стойку, а потом схватил за руку и закрыл в крошечном туалете. Буквально через минуту в прокат заглянул молодой крепкий парень, быстро obeжал глазами помещение, взглянул на Максима и задал вопрос:

– Простите, папу потерял – такой пожилой, невысокий лет шестидесяти в тёмной куртке не заходил? – на Картузова пристально смотрели цепкие, въедливые глаза.

– Не видел, – спокойно отвечал Максим. – Может в магазин рядом зашёл, пивка захотелось?

– Да не пьёт он, – досадливо отмахнулся парень. – Ладно, спасибо. Если зайдёт, скажите, семья беспокоится. Пусть домой идёт.

– Обязательно, – пообещал Картузов и начал заполнять журнал посещений за день. Парень ушёл, наступила тишина.

Через минуту Картузов вышел на улицу покурить у проката и огляделся. Ничего, вызывающего подозрения, он не заметил.

– Выбирайтесь на свет божий, Радомир Карлович, – позвал Максим. – Преследователя вашего не видно.

Радомир вышел из туалета, было заметно, что чувствует он себя неловко и обдумывает, как объяснить происшедшее.

– Простите, Максим, за доставленные неудобства. Это племянник, сын сестры. Он страдает алкогольной зависимостью и постоянно забирает у меня деньги...

– Вы говорили – «они».

– Не понял...

– Да бросьте вы, Радомир Карлович. Не хотите объяснять – не нужно... Вы, когда вбежали внутрь, сказали – «если они поймают»... Я ведь с вас объяснений не требую. Только меня-то за дурака держать не стоит, хорошо? Иначе перестану вас уважать. Вы бы себя видели, когда в прокат влетели. От племянников, клянчащих на пол литра, так не спасаются. Да и похож он скорее на спецназовца в гражданке или на бандита, – Максим насмешливо смотрел на Радомира. Тот вздохнул. Ещё раз, подойдя к двери, стал сбоку и оглядел улицу через стекло.

– Вы правы. Но если я расскажу правду, вы мне всё равно не поверите. А сегодня, Максим, вы действительно меня спасли от больших неприятностей, – Радомир напряжённо думал о чём-то своём, а после колебаний, решился на рассказ: – Всё, что касается данного происшествия, началось давным-давно, когда я был немногим старше Акима и младше вас... Что вам известно о квантовой механике и различных полях, присущих всей материи?

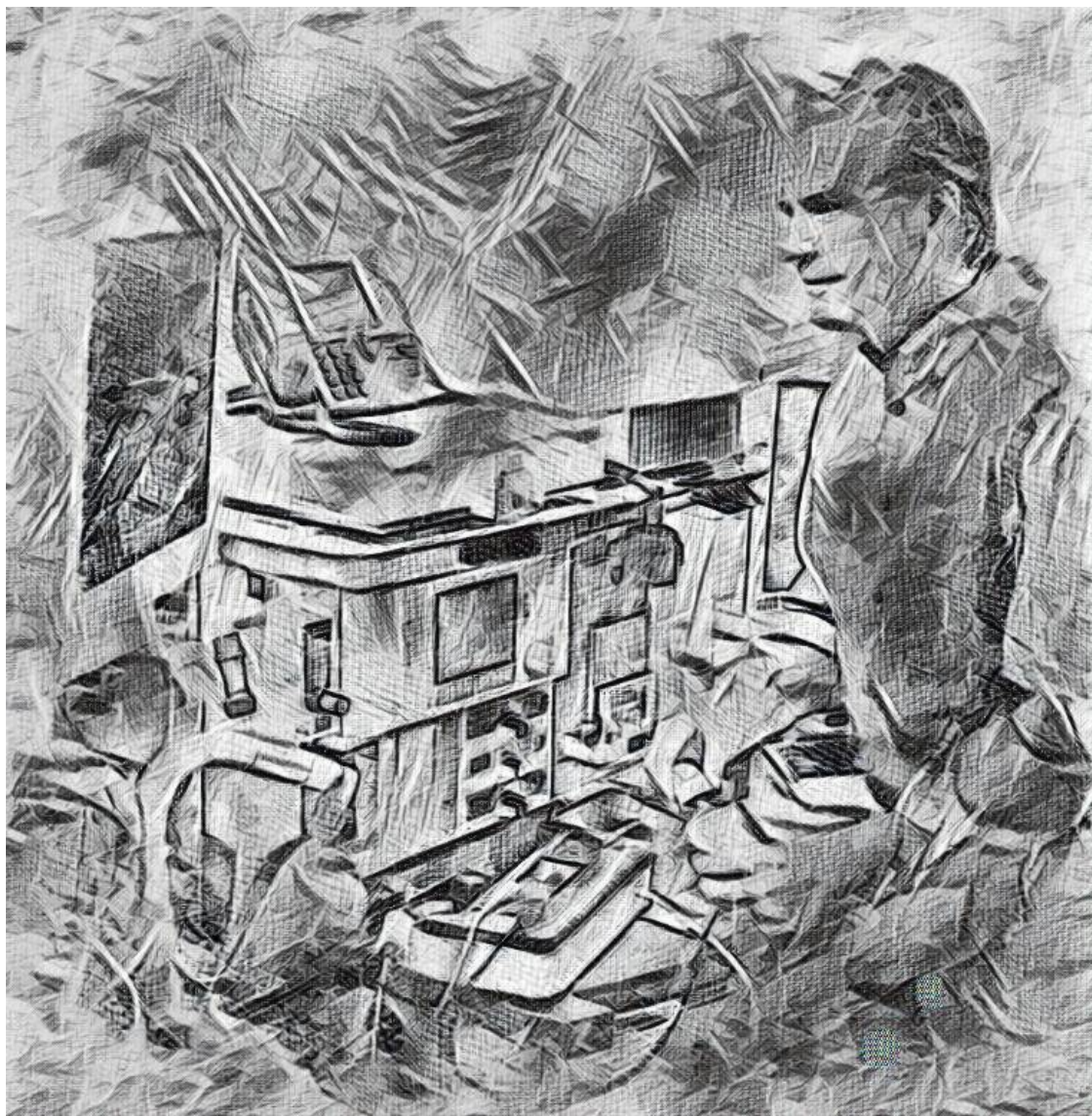
– Кроме названия, ничего. Я ведь, словесник – далёк от всего такого.

– Поле – очень странное понятие. Поля – есть неотъемлемые компоненты любых, известных науке, частиц, – начал объяснять Радомир. – У каждого электрона, например, имеется три поля: электромагнитное, гравитационное, и ещё, так называемое, поле «слабое». Чем характеризуется поле вообще? Для начала, любое поле – характеризуется, во-первых, напряжённостью, и, во-вторых, безграничной протяжённостью в пространстве. Последнее свойство – как раз является наиболее странным и трудновообразимым...

– Стоп! – категорично заявил Картузов. – Умоляю, Радомир Карлович, избавьте меня от подробностей. Если я вам начну рассказывать об этимологии слов древнеславянского и синтаксисе речи в восемнадцатом веке, вы тоже будете не в восторге. Давайте на пальцах, а?

– Да я и пытаюсь на пальцах, – Радомир досадливо поморщился. – Вы знаете, что такое квант? .. Понятно. Квант, от латинского квантум – "сколько" – это неделимая порция какой-то физической величины. Например, говорят – квант света, квант энергии или квант поля. Тот, кто научится всем этим управлять, будет черпать неограниченную энергию из самого пространства и сможет лепить материю, как скульптор глину. Создавать, что угодно из ничего – из пустоты! Это сродни силе богов, понимаете? Если уж совсем на пальцах, – Радомир взглянул на Картузова и печально вздохнул. – Вы безнадежны, Максим.

– Практически – применительно к вам лично, сегодняшнему дню и последнему инциденту, что это всё значит. Без физики, можно? – Максим умоляюще сложил руки.

– Практически, ... Тогда немного истории. Я физик – талантливый физик; окончил технологический, в течение тридцати пяти лет работал в ящике – знаете, что это такое? – Максим кивнул и Радомир продолжил:

– Мы очень далеко продвинулись в последние годы перед развалом страны. Неизвестно откуда, нам в отдел доставили занятный артефакт. Теория воплотилась в «железо». В лаборатории были начаты эксперименты над материализацией,.. – заметив досадливое выражение на лице Максима, Радомир сдался. – Ладно, не буду я вам ничего объяснять. В трёх словах: институт распался, я сохранил документацию и теоретический материал, заодно вынес и спрятал единственный в мире,.. назовём – преобразователь. Если бы я этого не сделал, всё созданное уже постарались переправить за океан и тогда всему миру кранты. Так понятно?

У Максима появилось очень неприятное предчувствие – его втягивают в серьёзные игры, которые плохо кончаются и совсем не по душе его тонкой организации. Он уже был совсем не рад услышанному. Видимо, Радомир заметил изменения в его лице и поспешил успокоить:

– Вы только не пугайтесь, Максим, никакие спецслужбы за мной не охотятся и в заговорах я не замешан. Это просто кредиторы, у которых я брал ссуду для завершения работы над прибором, только и всего.

– Только-то? – с иронией спросил Максим. – Сейчас и без ссуды могут с человеком обойтись весьма жестоко... Так что он умеет, ваш прибор?

– Мой прибор умеет создавать замкнутую параллельную пространственную реальность из визуально-звуковых образов и открывать в этот мир двери, – скромно сказал Радомир, но вы мне, конечно, не поверите, как я и говорил.

– Конечно, не поверю, как вы и говорили, – рассмеялся Максим.

В это время, из нагрудного кармана куртки Картузова, неожиданно зазвучала мелодия Дунаевского «Как много девушек хороших». Он суетливо подхватился, достал телефон – на экране светилось два слова – «Твоя Наташа»; нажал кнопку приёма, прижал к уху:

– Слушаю, Наташа!

– Хорошо, что слушаешь, Максимка! Справился с техникой? Молодец! Ты прости меня, я задерживаюсь. Попозже позвоню, ты не волнуйся, поводов нет. У тебя как?

– У меня Радомир Карлович в гостях.

Наташа помолчала.

– Будь осторожнее, а со статуэткой как договорились, да?

– Ты словно с маленьким...

– Ты и есть маленький, – рассмеялась Наташа. – Ладно, не дуйся. Целую! – и она повесила трубку.

– Это ваша девушка звонила, Наташа? – поинтересовался Радомир.

– Да, она. Задерживается немного. – Картузов взглянул на часы. Было без пяти минут девять. – Вы должны простить меня, Радомир Карлович, мне закрываться пора – время, – извиняющимся тоном сказал Максим.

– Да-да, понимаю, – засобирился Радомир. – А знаете, завтра я зайду к вам, занесу книгу – вы уж не сердитесь, сегодня не получилось – и мы договорим, если не возражаете.

– Да, собственно, меня это не касается. Рад, что помог вам, но вся эта физика для такого как я малоинтересна.

– Вы так думаете? – уже в дверях задержался Радомир. – А что, если я скажу вам, что все кругосветные путешествия мира и возможности планеты Земля покажутся детским лепетом, по сравнению с тем, что я могу предложить?

– Оставьте, – с улыбкой отмахнулся рукой Картузов. – Я фантастику не читаю.

Радомир молча вышел на улицу и растворился в вечернем сумраке.

Глава 9

Наташа – Просто, как сама жизнь

Максим, проводив Радомира, достал из шкафа коробочку с Дон Кихотом и Наташин конверт. Всё это он аккуратно уложил в портфель, который неприлично раздулся от квадратной упаковки, после чего выключил свет, поставил помещение на автономную сигнализацию и, заперев серьёзную дверь на столь же внушительный замок, отправился на троллейбусную остановку в пятидесяти метрах от проката. Вскоре подошёл транспорт, и Максим без приключений добрался до дома.

Роза Семёновна настороженно встретила Картузова в коридоре. Убедившись в его абсолютной трезвости, она удовлетворённо хмыкнула и вернулась в свою комнату. Максим снял куртку, разулся и направился на кухню соорудить какой-никакой ужин, а заодно согреть чайник. Он задумчиво оглядывал девственно чистые территории кухонного стола и холодильника «Минск», голодно ворчавшего в углу, когда заиграл его мобильник. В полной тишине красивая мелодия звучала неожиданно громко.

– Наташа, привет! – обрадовано отвечал Максим.

– Ты дома? – озабоченно спросила Наташа.

– Да, добрался. Вот, изучаю содержимое кухни.

– Дверь отвори, пожалуйста! Я тебе на дом пиццу заказала. Доставка принесла, а на какой звонок давить не знает.

– Не понял, что?

– Открой, пожалуйста, входную дверь! Что ж ты непонятливый такой?

Ни о чём ещё не догадываясь, Картузов дошёл до входной двери и открыл её.

На пороге стояла сияющая Наташа, а в руках у неё был большущий пакет от финского магазина Спар и огромная коробка из новой итальянской пиццерии у Парка Победы.

– Ты? – глупо спросил Максим.

– Нет, баба Яга, – улынулась Наташа. – Так и станешь меня держать в дверях или позволишь войти?

– Да, прости, проходи пожалуйста, – Картузов покраснел при мысли, что Наташа увидит его апартаменты.

– Это не ко мне? – донёсся голос соседки, а потом показалась и она сама. За последние пять лет кроме врача, почтальона и фронтовых друзей к ней никто не навещался.

– Роза Семёновна, здравствуйте! – весело защебетала Наташа. – Нет, я не к вам, я к Максиму. А он, как я вижу, большой вун. Сказал, что соседке по квартире семьдесят три года. Но вам ведь не больше шестидесяти, да?

Роза Семёновна несколько ошарашено разглядывала красавицу, словно сошедшую с глянцевой обложки дорогого журнала, а услышав последние слова, разулыбалась, благодарно глядя на Наташу.

– Да что ты, деточка, я уж и забыла думать, когда мне шестьдесят было... А вы с Максимом давно знакомы?

– Уже четыре месяца, да. Неужели он вам про меня не рассказывал? А о вас только и говорит: какая замечательная у него соседка, ветеран войны, Ленинград в блокаду защищала.

В одном из разговоров, Максим рассказывал Наташе о соседке, но не думал, что Наташа так хорошо запомнила подробности.

– Да что ты, – зарделась Роза Семёновна, тепло взглянула на Максима и сказав на прощание: «Не буду вам мешать, отдыхайте», скрылась в своей комнате.

– Один – ноль в пользу журналистики, – подвёл итог Максим. – Но как ты узнала, где я живу?

– Не расстраивай меня, Максим, – улыбнулась Наташа. – Ты ведь сам мне дал сегодня свой адрес. Забыл?

– Действительно, дал... Неожиданно, просто... И мне так стыдно, Наташа.

– Почему?

– Тебе в таких трущобах не место, – потупился Картузов.

– Слушай, Максим, ты за кого меня принимаешь, а? За изнеженную фря?.. Принцессу Бурунди, да? Я тебе говорила, кажется – я обычная, небалованная девушка. И мне абсолютно всё равно, что у тебя есть и чего нет. Главное – ты теперь у меня есть. Если бы ты жил под мостом в ящике, я бы пришла под мост. Хватит уже расшаркиваться, да? – было заметно, что Наташа слегка обиделась.

– Ладно, – решил на поступок Картузов – как будто у него был выбор. – Смотри на мои хоромы. Но, чур, не расстраиваться и не смеяться, договорились?

Он взял у Наташи вещи из рук, положил их на тумбочку в коридоре, снял с неё и повесил курточку на вешалку, достал из обувного шкафчика чистые, «полноразмерные» тапочки, а потом наклонился и с явным удовольствием помог снять сапожки. Наташа подтаяла и пошла смотреть комнату.

Максим был ещё у вешалки, когда из комнаты донёлся счастливый визг. Наташа стояла у огромного орехового стеллажа под потолок во всю стену, укрытого застеклёнными дверцами и смотрела на книги. Там действительно было на что посмотреть. Библиотеку начал собирать ещё прадед – Картузов Андрей Максимович: преподаватель словесности в мужской гимназии. Так уж повелось у Картузовых, что сына называли в честь деда.

– Книжки замечательные у тебя, Максим! Я тебе не лгу – радуюсь, – девушка медленно двигалась вдоль полок, рассматривая корешки сотен томов.

Картузов критически осмотрел горницу и больших огрехов не выявил – всё было чисто – он утром делал уборку перед работой, окно оставил открытым на весь день. Комната проветрилась, диван под тёмно-зелёным жаккардовым покрывалом не так уж страшен, старинный столик у дивана он реставрировал сам полгода назад, а кресло под пёстрым вязаным пледом выглядело даже импозантно. На полу лежал старенький самаркандский ковёр, вычищенный пылесосом, а на окнах висели бледно-зелёные, гобеленовые шторы. Обои на стенах были чешские, с каким-то странным абстрактным рисунком из ромбов и квадратов коричнево-бежевого оттенка. В углу на древнем комоде расположился, почти столь же древний, телевизор «Рекорд», которым хозяин почти не пользовался.

Наташа одобрительно оглядывала комнату – жилище Картузова ей положительно нравилось. За портьерой, служившей дверью, в меньшей части комнаты, отделённой лёгкой стеной, располагалась спальня – кабинет – гардеробная. Тахта была новая, полуторная – её Максим купил недавно, утомившись спать на диване. Она стояла в нише за проходом. Ещё там был старый дубовый письменный стол со стулом и импровизированный шкаф из картонных коробок, задрапированный занавеской с орнаментом из каких-то петроглифов: на фоне размытых акварельных красок бродили стада непонятных животных вымершей породы. Занавеска крепилась к кольцам на длинной деревянной штанге. Но главное, за что было не стыдно Максиму – чистота была идеальная и все вещи на своих местах.

– У тебя очень мило, – вывела резюме Наташа. – Только комнату прокурил насквозь. Ещё могу сказать про тебя так: ты перфекционист, чистюля и педант. Жуткое сочетание если ты, вдобавок, ещё и зануда. Ты, зануда?

– Тебе виднее, – растерялся Максим. – Я беспорядка не люблю... А прокурил – это да, я же один... И форточка всё время открыта...

– Максим,.. Максим... – Наташа медленно подошла к нему и обвила шею руками. – Ну не будь таким серьёзным, да?

О неё пахло свежей горьковатой зеленью и жасмином. Максиму стало совершенно безразлично убрано ли в комнате, стогит или не стогит чайник, поставленный на плиту, и кто ещё будет слышать его и Наташу...

Через час, Наташа сидела в его стареньком махровом халате на диване, поджав под себя ноги, и уплетала пиццу, запивая её горячим чаем. Максим сидел напротив, стараясь не отставать от гостыи. Чайник не сгорел – Роза Семёновна выключила его, услышав призывный свист из носика и даже заварила им свежий чай. Девушка Картузова явно её покорила. Комната, освещённая светом счастливой Наташи, казалась Картузову такой милой и уютной, какой она не была никогда. Настроение было новогоднее – словно он, маленький, только что достал из под ёлки долгожданный подарок.

– А что Радомир хотел? Книгу вернул? Он какой фильм взял смотреть, а? – задала Наташа сразу три вопроса не переставая жевать.

– Ой, чуть не забыл, слушай!.. – и Максим пересказал Наташе всю вечернюю историю с момента появления Радомира и до закрытия проката.

Наташа уже наелась и просто прихлёбывала чай, внимательно слушая.

– Станный он какой-то – решил, я поверю, будто его прибор умеет создавать параллельные миры. Чудно, – Максим смотрел на Наташу, ожидая поддержки своим словам, а она задумчиво смотрела на него.

– Мне он не показался,.. легкомысленным, – подбирая слова, сказала она, наконец. – Умный, хитрый, себе на уме, но только не пустозвон и не лгун... Я ведь не такой плохой психолог, Максим, невзирая на молодость. Это часть моей профессии, а к профессии я отношусь очень серьёзно. Много читала последние два года – хоть какое развлечение, да? ... Понимаю, поверить в эту историю сложнее, чем в летающую тарелку. Либо это спектакль и ему от тебя нужно что-то, либо правда, какой бы фантастикой она не казалась. Третьего нет тут.

– Поживём – увидим, – беззаботно сказал Максим. Ему не хотелось думать, и голова отзывалась счастливой пустотой на такое желание.

– А ты наелся уже, да? – спросила Наташа.

– Как удав, – подтвердил Максим.

– Тогда иди ко мне скорее, глупый, не станем терять время, – Наташа поднялась с дивана и сбросила халат – проста и естественна, как сама жизнь. У Максима завьюжило в голове, и квадраты начали сливаться с ромбами, от «обыкновенного чуда», которое стояло перед глазами и с улыбкой тянулось к нему. Он тоже поднялся, подхватил её на руки и прижал к себе...

Позже, совершенно неспособный пошевелиться, Максим просто лежал; не чувствуя тела, словно в невесомости, он растворился в пространстве, слился с ним и вдыхал, хмелея, запах Наташи, задремавшей на его груди. Как бы хотелось навсегда остаться в этом дне, никогда не переступая черты времени, после которой начнётся завтра.

Лениво делая героические усилия в борьбе со сном, Максим старался занять себя мыслями, раздумывая о времени. Он не хотел упустить ни одной минуты, наполненной Наташей...

«Время – непостижимая и загадочная субстанция, живущая по своим законам. То несётся галопом, то плетётся шагом. То не знаешь, куда его деть, то страдаешь от острой нехватки оного. Вот оно, крадучись, приближается к полночи и шагает в завтрашний день. Ещё один лист календаря канул в Лету. И уходишь из дня, в котором хотел бы остаться навсегда, привязанный намертво к своей динамичной временной точке. Оставляешь уютное, счастливое Сегодня ради неизвестного Завтра. И Сегодня, став днём вчерашним, грустит, прощаясь навеки, а Завтра, став нынешним, теряет загадочность грядущего, превратившись в настоящее.

И, как ни старайся, никогда не вернёшься в минувшее и не окажешься в будущем. Нельзя войти в одну реку дважды. Всегда и всюду только сейчас, только этот день, час, мгновение сущего. Всегда и всюду только сейчас»...

Примерно такие мысли кружились в голове Максима, когда Наташа, очнувшись от дрёмы, сладко потянулась и вернула этим его в настоящий мир, к реальности, от которой начало сладко ныть в груди.

– Который час, Максим?

– Половина первого, милая, – отвечал он.

– Мне пора, мой хороший. Отпускай меня, ладно? – она ласково потёрлась носом о его ухо.

– Разве ты не останешься?

– Не будем дразнить гусей, да? Я должна ночевать дома. Мало ли: охрана наведается или звонок на городской... Максим, всё так чудно и хорошо, что становится страшно – я очень боюсь это потерять, очень боюсь. Я трусиха. Прости.

Неохотно Максим признал её правоту, с которой приходилось мириться.

Наташа совершенно его не стеснялась. Она отбросила в сторону лёгкое одеяло, встала с тахты и начала одеваться, показывая «стриптиз наоборот» и бросая на хозяина игривые взгляды.

– Наташка, ты садистка!

– Скажи, Максим Андреевич, а когда у тебя была последний раз женщина? – неожиданно поинтересовалась Наташа.

– То есть? ... – смутился Максим. – Ну, ещё до развода, четыре года назад... А что?

Наташа прекратила застёгивать юбку и ошеломлённо уставилась на него.

– Но, почему?! Ты, что, совсем не знакомишься с девушками?

– Как это не знакомлюсь?! Знакомлюсь! Вот, она – передо мной стоит!

– А если серьёзно?

– Если серьёзно, то я несколько старомоден и был разочарован, до недавнего времени, такими знакомствами. Думал, для меня уже женщины не существуют.

– Но ведь ты молодой, здоровый мужчина, как так?

– Наташа, давай не будем о грустном, а?... Я не могу просто, как с куклой – понимаешь?... – Максим отвёл глаза от Наташи и теребил уголок простыни, попавшийся под руку.

– Всё, пытка закончена! Прости, мой ласковый, но я лишний раз за себя порадовалась. Мне очень приятно, что ты такой, как есть. Честно-честно.

Наташа достала из сумочки телефон и начала звонить:

– Алло, такси? Мне нужна машина, угол Ленинского и Варшавской, да... Ленинский 161... а нет машины получше? Хорошо, пусть подъезжает, – она обернулась к Максиму, который успел натянуть на себя, сброшенный ранее Наташей, халат. – Максим, машина будет через пять минут. Не провожай меня, не надо, только до дверей. Иди, милый, я тебя напоследок поцелую.

В дверях она ткнулась в его щёку, прошептала: «Люблю», а потом, не вызывая лифта на шестой этаж, побежала вниз по широкой лестнице.

– До завтра! – донеслось напоследок и хлопнула дверь парадного.

Когда Наташа ушла, Максим приступил к окну и стал наблюдать улицу. Он увидел стоящую у дороги, высокую, стройную девушку в красной курточке, смотревшую на его окна и махавшую рукой. Она села в подъехавшую машину такси и умчалась вдаль – только мигнули пару раз на прощанье красные огни стоп-сигналов; машина растаяла в потоке.

Видел, как уехала та, что навсегда изменила его мир – мир, который стал таким большим после их встречи, и который станет таким крошечным, если она из него исчезнет.

Спать не хотелось.

«Какой длинный сегодня день», – думал Каргузов. – «Не ведал я ещё таких дней – словно прожил за сутки целую жизнь. Сколько событий, новостей, перемен и эмоций. И сколько счастья, боже правый, сколько счастья! Вот теперь-то уж точно – можно и умереть. Лучше уже никогда не будет. Я даже не подозревал, что в жизни моей не было самой жизни. А ведь мог никогда не узнать об этом».

Максим пошёл на кухню и выгрузил в холодильник тяжёлый пакет, принесённый Наташей. Там были оливки, яйца, лимоны, ветчина, сыр, пару баночек сардин, пастрома, лаваш, пакетированный сок, сладости... Всё, что он так любил и о чём вскользь они когда-то говорили.

Она запомнила.

Вернувшись в комнату, он выставил на столик у дивана бронзовую фигурку и долго курил, глядя на рыцаря печального образа, дивясь искусству мастера, поворотам жизни своей, Наташе... сидел, пока не сморил сон.

Он уснул, улыбаясь и шепча её имя.

Глава 10

Максим – Утро – Соседка – Радомир – Потрясение основ

Утро растолкало Максима прохладной свежестью открытых окон и надтреснутым соло старенького будильника. Спать он мог бы ещё долго, но специально выставил время сигнала на семь – Максим не любил торопиться, опаздывать, собираться впопыхах.

Он натянул треники, футболку, одел лохматые, выдавшие лучшую жизнь, кроссовки и вышел на пробежку, после которой сделал во дворе зарядку и повисел на перекладине. Вернулся мокрый, довольный собой и полез под душ.

Когда он жарил к завтраку яичницу с ветчиной, на кухне появилась Роза Семёновна. Максим мурлыкал под нос «Как много девушек», стоя спиной к двери и не видя соседку, а та, с улыбкой наблюдала за ним, не спеша обнаруживать своё присутствие. Наконец поздоровалась:

– Доброе утро, Максим! Вы раненько сегодня.

– Доброе, Роза Семёновна, самое доброе! Решил размяться, да и на работу скоро.

Роза Семёновна помолчала, собираясь с мыслями, потом спросила, переходя на «ты» – она всегда так делала, когда поведение соседа ей крайне нравилось:

– Скажи, Максим, а та девушка, Наташа – кто она?

– Она?.. Очень хороший человек. Журналистка из Латвии. Я ... я люблю её, Роза Семёновна, – неожиданно признался Картузов. – Думаю, я вообще первый раз в жизни, люблю.

– Я очень рада за тебя, правда, – старушка положила руку на плечо Максима. – Мне она очень понравилась: такая,.. естественная, милая и разбитная при этом! Дай бог, чтобы у вас всё удачно сложилось. Ты береги её, Максим, таких девочек не много на свете, уж поверь. Тебе повезло, что она с тобой.

– Знаю, Роза Семёновна, верьте, знаю – повезло. До сих пор не могу понять, что она нашла в таком...

– Не нужно ругать себя, Максим! Нужно измениться... вернуться к себе – прежнему, вот и всё. Ты же умный, добрый, порядочный человек – я вижу. Наташа – твой счастливый билет. Не упusti!

Соседка смотрела на Максима с какой-то материнской заботой, он даже расчувствовался – вот тебе и Роза Семёновна!

– Постараюсь, – серьёзно сказал Картузов. – Не всё от меня зависит, но я постараюсь.

Старушка помолчала. Молчал и Максим.

– Помнишь, как я стала твоей соседкой, Максим?

– Конечно, Роза Семёновна, я тогда развёлся во второй раз, и вы переехали сюда из своей крошечной однокомнатной квартирки в Купчино, а врач перебралась в отдельную «конуру с удобствами», как вы её называли. Я тогда был очень рад этому, она так меня... утомила.

– Я устала тогда жить одна... Квартира когда-то была твоей целиком, так ведь?

– Была... Досталась после размена папиной в центре. Что ж теперь говорить? Но вы мне нравитесь, правда. И не даёте падать слишком глубоко. Я не всегда случаюсь, сносен в общении – простите меня.

У Максима было покаянное настроение: он был счастлив и не хотел, чтобы на нём лежала печать обидчика.

– Я вот, что надумала, – собравшись с духом, продолжила она. – Я ведь одна совсем на свете. Сын погиб, я рассказывала, ты знаешь, – сын Розы Семёновны разбился на машине очень давно, ещё молодым парнем – работал водителем на одной из северных строек, детей и жены у него не осталось. – Родственников уже похоронила давно, кто жил... Несколько старых друзей – таких же усталых стариков, с которыми видимся раз в полгода... Если вы будете с

Наташей вместе, я оставлю вам свою комнату, – неожиданно закончила Роза Семёновна, глядя на Максима. – Комната моя приватизирована, в собственности и я могу распоряжаться ей, как захочу. У вас тогда будет замечательная двухкомнатная квартира: твои двадцать четыре метра, да моих двадцать восемь – роскошно!.. Дача есть маленькая в Лисьем Носу, зато участок большой. И будет вам загородный домик для малышей. Сделаете ремонт, да и станете жить-поживать.

Картузов растерялся:

– Что вы, соседка, что за мысли у вас...

– Ты прекрасно понимаешь, Максим, мне не так много осталось. Ранение даёт о себе знать. Да и устала я уже одна на свете мыкать. Посмотрела вчера на вас – молодые, красивые, счастливые. Встретились. Друг на дружку глядите – глаза светом льют. Вот у вас всё впереди: и дети, и заботы, и внуки... А я... – она махнула рукой и отвела заблестевший взгляд в сторону.

Максим молча, подошёл к ней, обнял, ничего не говоря и соседка тихо заплакала на его груди, вспоминая сына, а худенькие плечи вздрагивали и вздрагивали...

Как мог, Максим постарался успокоить пожилую женщину. От предложения не отказывался – знал, обидит сильно. Благодарил, приговаривал что-то доброе, снова благодарил и просил «жить ещё и жить». Роза Семёновна заулыбалась сквозь слёзы и только махала рукой – «ладно, мол, тебе», но было видно – слова Максима согревают и ей приятны.

А потом они позавтракали вместе – вернее, ел один Максим, а соседка сидела рядом над чашкой чая и просто смотрела на него покрасневшими глазами, радуясь его молодости и аппетиту.

Нынешний день выдался под стать вчерашнему. Но если вчера Картузов шёл с похмельной тяжестью в думах и теле, удручённый жизнью, мрачный, то сегодняшнее утро радовало его несказанно. В мышцах играла лёгкость, сила; в мыслях – молодой задор и надежда. Наташа зарядила вчера его аккумулятор счастья, индикатор которого давно уже был на нуле. Теперь же он зашкаливал за сто процентов. Максим радовался жизни, а чувства его щебетали воробьём, опьянённым брачными играми и забывшим об опасности. Незаметно дорога пролетела, словно лента эскалатора и он оказался рядом с дверьми проката.

Ему очень хотелось позвонить Наташе. Но она просила этого не делать «во избежание неприятных последствий», сказала, будет звонить сама. Он, как она инструктировала, утром зарядил телефон и взял с собой зарядное устройство. Эти телефоны разряжались довольно быстро, и приходилось «кормить» их по нескольку раз на дню. Эра литиевых аккумуляторов ещё не наступила.

По дороге, Картузов, ещё издали, приметил знакомую фигуру с чемоданчиком в руке, и настроение его упало: Радомир!

«Что ему неймётся – прицепился и долбит в темечко», – подумал Максим, но как человек воспитанный изобразил радушие, подходя к входу.

– Время доброе, Радомир Карлович, – приветствовал мужчину Максим. – Что так, с утра пораньше?.. Вы позволите, мне открыть помещение нужно, – он оттеснил Радомира от двери, начав отпирать замок и попросил, – постойте минутку на улице, я вас приглашу.

Максим не должен был допускать посторонних и показывать, как снимается сигнализация с охраны.

– Здравствуйте, Максим, – поздоровался Радомир – он понял мотивы молодого человека, улыбнулся и отошёл в сторону.

Наконец все формальности были соблюдены, помещение открыто, и Максим пригласил Радомира зайти внутрь.

Сегодня прокат показался особенно уютным. Максим снял куртку, повесил её на вешалку и включил чайник, наполнив его водой.

– Так что же привело вас в столь ранний час, Радомир Карлович?

– Время, Максим, время, которого остаётся всё меньше... да, кстати, вот ваш каталог фильмов. Спасибо огромное.

Максим убрал книгу на полочку, где лежали несколько подобных изданий, чистые бланки и рабочие журналы.

– Нашли что-либо интересное для себя? – поинтересовался Картузов.

– Да как вам сказать,... по прямому назначению – нет.

– Назначению? – удивился Максим. – Назначение у фильма одно, как мне кажется: развлечь и дать пищу для размышлений.

– Вы ещё ничего не поняли? – прищурился Радомир.

– А-а, вы опять за своё, – парировал Картузов. – Я же просил вас – мне это не интересно.

– Как можно знать, интересен предмет, либо нет, не зная сути?

– Радомир, скажите честно – зачем я вам нужен? – спросил Максим, умышленно опуская отчество, как бы сближая границы доверия. – Чего вы добиваетесь всеми этими беседами? Вы ведь уже ясно поняли: я реалист и где-то, прагматик. Все рассказы о паранормальных явлениях, все эти «Секретные материалы» – не моё. Я в них просто не верю! Понимаете?

– А что заставит вас поверить?

– Факт, подтверждённый материальными свидетельствами и больше ничего.

– Так я и думал, – пробормотал Радомир. – А вроде интеллигентный человек с развитым воображением...

– Воображение моё оставьте в покое. Вы на вопрос не ответили – зачем я вам сдался?

– Мне нужна помощь, – сказал Радомир, глядя Картузову в глаза. – А кроме вас помочь некому – всем остальным элементарно не доверяю.

– А мне с чего такой вотум доверия?

– Вы человек порядочный, – пожал плечами Радомир. – Это у вас на челе стилем прописано.

– Прямо так уж и стилем? Может, скажете – фломастером?

– Образно...

– Понимаю – шутка. Ну, допустим, а конкретно? Чем я могу вам помочь?

Радомир оживился:

– Конкретно ...

В это время звонок телефона прервал Радомира, Картузов вскинул руку в извиняющемся жесте и, нажав на кнопку приёма, поднёс трубку к уху.

– Слушаю.

– Я пришла к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало!.. – пропел из трубки задорный голос Наташи. Максим расплылся в улыбке:

– Здравствуй, моя хорошая! Ты как, где и когда?

– Из дома вышла. Пробежусь по магазинам на Московском и буду у тебя, мой повелитель.

– Без женщины наша жизнь была бы: в начале – беззащитна, в середине – без удовольствия, в конце – без утешения. Жду тебя, солнце моё, – Картузов отключил телефон и вспомнил о Радомире. Тот стойчески смотрел на него, не проявляя нетерпения.

– Наташа, – пояснил Максим. – Извините.

– Я понял, что Наташа. Вы с ней, когда разговариваете, у вас лицо меняется... Шопенгауэром увлекаетесь?

– Не особо. А вы?

– Совсем никак, но занято.

– Вернёмся к нашим баранам?

– Вернёмся. Мне непременно нужен ассистент для подстраховки процесса. Когда я уйду... в реальность, которой по вашим словам не существует, нужен человек контролирующий аппаратуру – иначе я не смогу вернуться!

– А к чему вам возвращаться? Можно переселиться в Парадиз и жить припеваючи вечно, – развеселился Максим.

– Вам бы всё шуточки, – насупился Радомир. – У меня нет стопроцентной уверенности, что при отключении прибора я смогу воротиться в тот же временной отрезок. Крыса вернулась, как положено, а таймер ключа показал, что она отсутствовала неделю.

– Какая крыса? – заинтересовался Максим.

– Белая, с чёрным пятнышком на ухе, – желчно съязвил Радомир.

– А серьёзно?

– Если серьёзно, я отправлял много раз крысу в клетке с пищей путешествовать в различные... миры, назовём так. Выставлял таймер на ключе возврата, и крыса всегда возвращалась секунда в секунду. А вот когда выключил прибор на минуту и включил снова, полудохлая крыса вернулась, вернулась вовремя, плюс минута отключения прибора, но только часы на ключе показали – через семь дней. У нас прошло шесть минут, а там – семь дней. Понимаете?

– Понимаю. Ещё бы поверить во всё это и вообще хорошо.

– Вы говорили, материальные доказательства вас убедят?

– Разумеется – глупо спорить с очевидным.

– Хорошо! Вы можете закрыть прокат ненадолго?

– Зачем?

– Вам нужны доказательства? Я предоставлю доказательства!

Картузов, заинтригованный, смотрел на Радомира, пытаясь понять, в чём подвох. После молча, встал, взял табличку: «Технический перерыв 15 минут», повесил её на дверь и задвинул задвижку.

– Ну?

Радомир уже открыл массивный чемоданчик-дипломат, в котором располагался странный плоский прибор с несколькими клавишами, множественными круглыми ручками и странным дисплеем на треть всей поверхности. Над дисплеем располагался необычный объектив, словно из матового камня, в поворотном корпусе.

– У вас электропроводка мощная?

– Новая, не знаю. Два электронагревателя в лютую стужу, выдерживает.

– Сойдёт, – махнул рукой Радомир. – Нужно максимум три киловатта на пике, обычно два... Теперь так: вот сетевой кабель – его в розетку, естественно, а этот шнур в видеодвойку. Красный – видео, белый – аудио.

– Да я понятия не имею, о чём вы говорите, – смутился Максим. – Только кассету умею включать – нет у меня видео дома.

– Странно, – удивился Радомир. – Телефон за тысячу долларов есть, а видео за двести-триста, нет.

– Тысячу? – глупо переспросил Максим.

– Понятно... Наташа подарила? – усмехнулся изобретатель.

– Не ваше дело. Подключайте сами, пока я не передумал, – озлился Максим.

– Не сердитесь, Максим, я не хотел обидеть ни вас, ни Наташу – она потрясающая девушка!

– Знаю, – ворчливо отозвался Картузов.

Радомир завершил подключения и попросил:

– Поставьте кассету со спокойным видовым фильмом. Лучше природу или географию.

Максим, скептически взял с полки кассету с надписью «Мир дикой природы – Африка» и вставил в приемное гнездо. Магнитофон проглотил её и включился на воспроизведение.

Радомир щёлкнул на приборе тумблером «вкл.\выкл» и по прокату разнёсся странный звук: «Пф-у-у», постепенно нарастая по высоте.

– Сейчас – покормится, прогреется пару минут. Подстрою пока, – и он начал колдовать многочисленными верньерами на панели. На плоском экране прибора возникла чёткая красочная картинка, как на экране телевизора, только намного контрастнее, без шумов и огрехов записи, словно отличная фотография. – А теперь смотрите! – торжественно возгласил Радомир и нажал на крупную зелёную кнопку под «объективом», направленным в зал.

Вначале ничего не происходило. Максим даже подумал: «Не вышло, ну и слава богу!». Но постепенно звук прибора усилился и в центре зала для клиентов стал прорисовываться светящийся круглый контур. Нарастая, словно слой за слоем, появилось как бы живое зеркало, переливающееся волнами, а на нём проступило изображение того, что происходило на экране! Это напоминало кинопроектор, только не было ни белой простыни, ни света из объектива – он оставался чёрным. Изображение слегка волновалось, становилось всё чётче, всё контрастнее, пока не стало похоже на окно, за которым была... Африка!

Максим всё не мог поверить в происходящее.

– Ну и что, – глупо спросил он. – Проектор какой-то, хорошего качества, вижу.

– Проектор? – насмешливо переспросил Радомир. – А прогуляться не желаете, Максим Андреевич? По Африке?

– Бросьте, – ещё не веря глазам, отвечал Максим.

Радомир молча, взял лист бумаги со стола, скомкал его и, подойдя к зеркалу, швырнул комок прямо в изображение. Бумага не выпала с обратной стороны картинки – она исчезла. Максим нервно сглотнул. Будучи умным и эрудированным человеком, он принимал очевидное, но не мог поверить своим глазам. Конечно же, Каргузов покривил душой – он читал и Стругацких, и Лема, и Азимова, и Хайнлайна...

– Хорошо, я готов, – решительно произнёс Максим.

– К чему? – растерялся Радомир.

– Прогуляться по Африке, – и он направился к зеркалу.

– Стойте! – завопил Радомир. А как вы вернётесь? Нужен ключ возвращения!

Максим даже вспотел. Он не подумал и ругал себя за легкомыслие.

– Дайте руку, – сказал Радомир. Максим протянул руку и на ней тут же защёлкнулся массивный металлический браслет со сложным двойным замком. По виду, браслет должен быть очень тяжёлым, но на поверку оказался неожиданно лёгким. Металл матово отсвечивал серым. Было впечатление, что браслет сам сжался до размера руки и стал тёплым.

– Титан?

– Да, титановый сплав... Теперь смотрите сюда, – инструктировал Радомир. К браслету был прикреплён по типу больших квадратных часов какой-то прибор. Стрелок не было. Были только две индикаторных лампочки: зелёная, светившая сейчас и красная, небольшое двойное электронное табло, типа секундомера, три кнопки сбоку и одна большая кнопка снизу индикаторов, закрытая выдвижной пластиной. – Это, – Радомир указал на большую кнопку. – Экстренное возвращение. На неё давить только в самом крайнем случае, если жизни угрожает опасность. Это – табло таймера: время, на которое вы погружаетесь с обратным отсчётом. Ниже – реальное время в пути. Мы выставим одну минуту – достаточно, для первого раза. Таймер сам вернёт вас в исходную точку перед порталом. Вы поняли меня?

– Всё предельно ясно.

– Тогда с богом. Ступайте, – с этими словами Радомир выставил на табло 00001 минута и добавил. – Таймер и секундомер запустятся автоматически, как только вы переступите границу чужого пространства. Через минуту он вернёт вас домой. Удачи!

Максим на секунду задержался и с опаской погрузил палец в зеркало, почувствовав лёгкое покалывание, как от слабого разряда тока. Потом вздохнул глубоко и смело шагнул вперёд...

Он стоял на небольшом холме, по колено в чужой, жёсткой траве. Рядом валялся смятый лист бумаги. Максим наклонился поднять его, а вместо этого, зачем-то собрал в руку пучок травы и дёрнул, плохо соображая. Обожгла боль: трава порезала ладонь до крови, но часть осталась в кулаке. Сердце колотилось в ритме рок-н-ролла, голова опустела мыслью...

Неподалёку расположилась на постой крохотная рощица из невысоких изогнутых деревьев с раскидистыми густыми кронами, среди которой виднелись несколько животных типа антилоп или газелей. Над деревьями суежилась стайка ярких птиц. А по равнине катилось стадо буйволов, топча траву и оставляя позади себя чистое поле. Воздух был обжигающе сухим, словно в финской парилке и Максиму стало очень жарко. Яркое до нестерпимости солнце оставляло за всеми предметами и неровностями чернущие тени...

На секунду ослепила голубая вспышка в глазах, и он оказался стоящим посреди проката с лицом, достойным служить иллюстрацией романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом».

– Но... как?!!! – только и выдавил он, ощупывая своё тело.

– Теперь, я думаю, вы убедились, что я не старый шарлатан, выживший из ума?.. Снимайте ключ.

Максим протянул руку и увидел, как расстёгиваются сложные замки. Ключ хозяин убрал в специальное свободное гнездо на крышке. Ещё один такой же ключ располагался рядом. Радомир сворачивал аппаратуру. Картузов заметил, что он просто передвинул рычажок в положение «выкл.» и стал отсоединять кабель питания и провода. Зеркало в центре растаяло не сразу – секунд десять стояли ещё лёгкие всполохи типа северного сияния. Пахло озоном и ещё чем-то едким. Через минуту чемоданчик закрылся с глухим щелчком замка, а Картузов всё стоял с перевёрнутым в одночасье сознанием, которое не могло так, сразу, принять потрясение основ мира.

Глава 11

Максим – Радомир – Уникум

Максим продолжал стоять оглушённый происшедшим. Всё случившееся казалось каким-то сном, фарсом театра «Буфф» – сейчас актёры закончат петь, плясать, скоморошиться, он выйдет на улицу и всё станет по-прежнему... Да только знал – не станет. С этим знанием придётся жить.

В его руке зажат клочок жёсткой травы, испачканный кровью.

Он разостлал на столе газетку, положил на неё траву, а сам прошёл к раковине вымыть руку. Вытер её салфеткой, плеснул на ладонь немного салицилового спирта из аптечки – сильно зашипало. Поморщившись, он заклеил ранку лейкопластырем.

Всё так же молча, открыл дверь проката, отодвинув засов, снял табличку о перерыве, прошёл за стойку, жестом предложив Радомиру сесть, а сам всё молчал и молчал, переваривая событие и боясь несварения.

Радомир терпеливо ждал, понимая его состояние.

– А пациент, нуждающийся в срочном излечении от рака, я так понимаю, вы? – неожиданно спросил Максим.

– Правильно понимаете, – хмуро ответил учёный. – Мне осталось максимум полгода.

– Сочувствую... Хотелось бы всё же кое-что прояснить, если вы не против.

– Спрашивайте, пожал плечами Радомир. – На что смогу – отвечу.

– Я, разумеется, не технарь – скорее наоборот: глубокий гуманитарий. Но всё же возникает вопрос: я ещё могу понять – вернее принять – внешний антураж, неодушевлённые предметы,... даже природу, дублированную по известным законам, даже животных, с их инстинктивно-поведенческими реакциями. Это лекала. Но разум?! Индивидуальные личности с жизненным опытом? Язык?... Сложные механизмы, работающие по особым принципам и созданные всё тем же разумом? Как быть с ними? Ведь, насколько я понял, миры копируются не только как природный ландшафт, но и как социум со всеми вытекающими?

– Вы ещё мало перечислили и не всё знаете – лишь прикоснулись к коже яблока, – усмехнулся Радомир. – Мы вообще мало что знаем о мире. Вполне возможно, что все миры, включая наш, лишь иллюзия? Доказательств нет – их не может быть в области разума, и такая теория вполне имеет право на жизнь... – потом задумался на минуту. – Ну, хорошо, я расскажу. Мы работали изначально лишь над одной задачей: научиться создавать некоторые элементы таблицы Менделеева в чистом виде из... любых подручных материалов. Эдакий синтезатор-преобразователь материи. Когда лаборатория добилась определённых успехов, нам стали предлагать некие... – я их называю артефакты. Это предметы других цивилизаций, возможно инопланетные, обладающие неизученными свойствами. И вот, однажды, принесли его, – Радомир кивнул на чемоданчик. – Сердце этого прибора, даже не сердце – мозг! Он выглядел как необычный, матово-белый кристалл, схожий формой с большим перепелиным яйцом, весь опутанный сетью, типа проволоки из сложного сплава драгметаллов. Кристалл этот закреплён между двумя пластинами графита, заключёнными, в свою очередь, в платиновый каркас. Но... графит этот имеет необычайную плотность и жёсткость. Проводки, опутывающие веретено кристалла, уходят вглубь этих пластин, а по наружной стороне периметра находятся гнезда, для подключения незнакомых разъёмов... Мы начали исследовать этот интереснейший образец. Опусти целую вечность опытов и экспериментов. Скажу только, что добились мы немного. Это словно обезьяне исследовать шарманку: она узнает только одно – когда крутишь ручку, звучит музыка. Если она вскрыет шарманку, то ничего не поймёт!

Радомир снизил голос до шёпота, словно их подслушивали. Глаза его заблестели, и даже румянец проступил на щеках, как у незрелого яблока летом.

– Но как же удалось... – начал Картузов.

– Это словно бог, понимаете? Бог! Он живой! Это искусственный интеллект, рядом с которым мозг человека – детская игрушка рядом с самолётом! Однажды я сидел в лаборатории один, далеко за полночь – нам не запрещали задерживаться: хоть неделями не выходи – был бы результат. Мы уже знали, что Уникум – так мы нарекли кристалл – начинает давать данные при подаче на него от тридцати шести до пятидесяти вольт постоянного тока. При этом он начинал светиться лунным светом, и по нему прокатывались цветные волны. Но он не нагревается, хотя электроэнергию жрёт, как голодная лошадь сено! Это против всех законов физики! Куда девается тепло так и не выяснили... Да мы, по сути, ничего не выяснили – данные всё время менялись при прочих равных... Я смастерил проволочную сетку на голову, по типу шлема – просто так, нелепая идея – и стал последовательно вставлять тонкий проводок в гнезда на корпусе и вдруг... – Радомир судорожно сглотнул и попросил. – Дайте попить, Максим.

Заинтригованный Картузов быстро плеснул две кружки чая и придвинул конфеты. Радомир выпил свою почти залпом, даже не обратив внимание, что пьёт и продолжил:

– Я вдруг ... увидел, но внутри головы. Как сон или образ, понимаете?... Увидел чётко сложную схему – сложнейшую, которую тут же начал копировать в тетради. Когда заканчивал одну, возникала следующая, словно он знал, что я закончил чертить. Так я начертил двадцать пять сложнейших и нелепейших схем. Но на каждой было указано место кристалла и схема подключения. Наступало уже утро. Я всё спрятал, отключил кристалл и разматал сетку, что бы никто не понял, чем я занимался... Я был заместителем начальника отдела. По моим заявкам смежники изготовили первую схему из десяти независимых блоков. Моей подписи на заказе было достаточно – заказывали много, денег на нас не жалели. Никто не интересовался зачем, ждали только результат. Среди массы железа мои заказы не заметили – я сохранил всё в тайне, не зная ещё, что из этого выйдет. Пытался понять, чего же «ОН» хочет, но так и не понял. Всё сводилось к питанию различными токами и созданию полей разной амплитуды и частоты. Много кварца... В конце концов я собрал это, – Радомир указал на чемоданчик. Остальное вы знаете... Грянул развал, в отдел пришли «инспекторы» из-за океана, лабораторию расформировывали, результаты крали и я под шумок... – Радомир с тоской поглядел на Картузова и снова, отчего-то шёпотом, закончил. – Я не знаю, как он работает. Да и можно ли назвать это – работой. Он творит. Создаёт миры, понимаете? Миры! И они живут потом, далеко уходя за рамки, определённые видеоматериалом. Живут самостоятельно!.. Такие простенькие, ландшафтные, как эта Африка, создаются быстро – они ЕМУ знакомы, я с них начинал. А сложные, игровые фильмы необходимо вначале загружать, потом ОН «думает», иногда по несколько дней – обрабатывает и готовит программу и уж затем возникает портал. И все миры ОН запоминает. Они нумеруются автоматически и потом легко посещать любой, набрав определённый код.

Радомир закончил говорить, налил сам себе чаю в кружку и замолчал, тихо прихлёбывая тёплый напиток.

– Паганини для шарманщика, – пробормотал Максим.

– Что вы сказали? – оживился Радомир.

– Вы сравнивали процесс познания свойств артефакта с шарманкой и обезьяной, а я продолжил вашу мысль. Кристалл этот, или Уникум, как вы его называете, для нашего мира всё равно, что Паганини для шарманщика. Невозможно заставить шарманщика исполнить каприз Паганини – он жёстко ограничен музыкальным механизмом, но сам маэстро мог бы написать пару-тройку простеньких мелодий для шарманки... Вы, учёная братия, считающая себя венцом развития цивилизации и острём науки – вы, шарманщики. Крутите ручку и ограничены своими знаниями и технологиями. Вы даже не догадываетесь, что попало в ваши руки. Его

мощь может быть направлена в такие плоскости, о которых подумать морозно, не то, что бы сделать.

– Полагаете, я этого не понимаю?... – Радомир не успел закончить, в его кармане зазвенел телефон: не мелодией, а простым электронным пиликаньем. Он вынул из кармана большую, толстую трубку Филипс – втрое больше, чем телефон подаренный Наташей Максиму, взглянул на номер вызывающего, пожал плечами и принял звонок: «Да, алло!», – а дальше – дальше его лицо изменилось, стало землистым, плечи поникли. Он выслушал монолог звонившего, ответил: «Хорошо, не волнуйтесь, буду» и пробормотал, отключив телефон: «Как же они узнали этот номер?». Потом вспомнил о Максиме.

– Мне нужно отъехать на пару часов. Максимум на четыре. Я оставляю у вас «Проводник»? – он кивнул на чемоданчик, мирно стоящий под стойкой для посетителей.

– Неприятности? – поинтересовался Максим.

– Ещё не знаю,.. вечером договорим, хорошо? – с этими словами Радомир одел свою тёмно-серую куртку и вышел из проката.

Глава 12

Наташа – День как год

Наташа, после звонка Максиму, решила пробежаться по хорошим магазинам и купить для любимого подарков побольше. Её деятельная натура два года томила в заточении и, вырвавшись на волю, ликовала. Энергия созидания переполняла девушку, а Максим стал доминантой мира, без которой свет потеряет радугу и обернётся в чёрно-белую грусть.

Наташа видела: Максим – человек не богатый. Ей хотелось побаловать любимого, окружить заботой, вниманием, доставить радость. Для начала Наташа позвонила на квартиру Картузову. Трубку сняла соседка.

– Роза Семёновна? Здравствуйте! Какие у вас планы на сегодня, это Наташа, нас Максим вчера познакомил – помните меня? – надела она на женщину с первых слов, не давая опомниться.

– Наташенька, здравствуй! Ну конечно помню! А ты что хотела?

- Я хотела Максиму сюрприз сделать, но у меня ключа от квартиры вашей нет.
- Я никуда не пойду, тебя ждать буду. Ты когда планируешь зайти?
- Вот спасибо! – обрадовалась Наташа. – Часа через два, примерно.
- Подъезжай, не волнуйся – я дома.

Первым магазином, куда зашла Наташа, был «Панасоник» на Московском проспекте. Наташа купила новый большой телевизор, видеомаягнитофон и музыкальный центр, а так же мебельную стойку под орех в размер техники, с доставкой на квартиру Максима – договорилась через три часа. Продавцы были счастливы – такие покупатели заглядывали не часто. Девушка для полноты ещё прикупила половину коллекции их классики на компактках.

После покупки аппаратуры, Наташа зашла в одно общеизвестное госучреждение на противоположной стороне проспекта и провела в нём минут пятнадцать – вышла, улыбаясь, довольная визитом, и продолжила поход за подарками.

Вторым магазином стал «Спортмастер», где она приобрела две отличных куртки Коламбия: зимнюю и осеннюю, кроссовки Рибок, спортивный костюм, полдюжины футболок... Далее был магазин джинсовой одежды «Левайс», где Наташа взяла три пары джинсов, свитера, куртку, рубашки. Завершив вояж покупкой зимней и осенней обуви, она, заехала в мебельный магазин, присмотрела современный шкаф-купе из готовых, подходящий по размеру, с условием, что его привезут и соберут через два часа. Довольная собой, она села в такси, возившее её по магазинам, и поехала к Максиму на квартиру.

С Розой Семёновной они нашли полное взаимопонимание. Наташа тут же начала наводить свои порядки в комнате Максима – дверь он никогда не запирает, даже замка не было.

Она вынула и сложила всю его одежду стопками на кровати и диване, после чего безжалостно разломала весь его картонный «шкаф» и освободила место в спальне. Вскоре мастера подвезли новую мебель и собрали её за полчаса. Пока они работали, доставили аппаратуру и тумбочку. Всё было в стиле картузовского книжного шкафа под орех и комната приобрела совсем другой вид. Старому ореховому комоду нашлось место в спальне, между дубовым столом и тахтой. Наташа постелила на него красивую декоративную салфетку, поставила на неё старую Кузнецовскую фарфоровую вазу, найденную в книжном шкафу, а рядом примостился бронзовый рыцарь, одобрительно глядевший на перемены. Отслуживший своё Рекорд и кучу картона Наташа попросила вынести на мусоросборник, что было сделано.

После, деловая хозяйка разложила все вещи: и новому, и старому нашлось место в купе. Большинство из старья она безжалостно отправила в разряд ветоши. Крутки и рубашки развела на тремпели, обувь расставила по обувным полкам и тут поняла, что у Максима нет головного убора. Она пулей сорвалась с места и через полчаса вернулась с красивой шапкой-бояркой из щипаного бобра, бейсболкой и парой спортивных вязаных шапочек. Всё! Любимый был одет и ему будет тепло. Как хорошо на душе!

Наташа позвала Розу Семёновну оценить перемены. Та так даже прослезилась:

– Как всё красиво, Наташенька, какая ты умница. Я так рада за вас!

Наташа чмокнула Розу Семёновну в щёку и тут же сорвалась на кухню – она решила приготовить Максиму солянку. Сама. Первый раз порадовать любимого мужчину своими кулинарными талантами. А готовила Наташа вкусно – мамина школа. Через два часа на плите уже стояла кастрюлька густой, наваристой солянки, сверху плавали маслины и лимонные дольки, а дух витал такой, что слюнки текли. Наташа позвала Розу Семёновну снять пробу и они вдвоём пообедали. По словам соседки, она «в жизни такой солянки не вкушала».

День для Наташи выдался длинным, насыщенным событиями, переменами, заботами – всем тем, что она так любила. На часах уже было пять и неугомонная девушка решила поменять старые выгоревшие шторы на новые. Сказано – сделано. В ближайшем магазине «Строй-

маркет» на проспекте Юрия Гагарина, были куплены финские льняные шторы, со светоотражающим слоем, замечательного сине-голубого оттенка и занавеска из тонкого бамбука, вместо тряпки, служившей дверью в спальню. Заодно она присмотрела толстые шерстяные накидки под шотландку в тон к шторам на диван и кресло. Через два часа всё это уже отглаженное и прикрученное заняло своё новое законное место в комнате.

Уже семь вечера – пора к Максиму. Наташа пошла пешком – решила прогуляться не спеша. Внутри у неё всё пело. И потому, что Максим – такой добрый, умный и чуткий – любит её, и потому, что она любит Максима. И день такой удачный – она всё успела, и долгожданная свобода, которую она пила как птицы росу и не могла напиться...

Вот и прокат. Радостная Наташа распахнула дверь, улыбаясь, предвкушая встречу и удивление Максима, когда он вернётся домой... Улыбка слетела с её лица. Она увидела друга и поняла: что-то случилось...

Максим, при звуке колокольчика, вздрогнул – Наташу встретил какой-то незнакомый, затравленный взгляд, в котором сквозила тоска.

Улыбка растворилась на лице девушки. Она сразу догадалась – грядут неприятности.

– Максим, что?!

– А-а, ты... Здравствуй, милая. Не беспокойся, Наташа, я так рад – ты пришла. Соскучился...

– Максим, что произошло? Я же вижу.

– Да вот, Радомир пропал. Должен был давно прийти и нет его. Не знаю, что думать.

Наташа подошла к Максиму, обняла, прижалась, заглянула в глаза:

– Рассказывай.

Максим был рад видеть Наташу рядом. Радомир, который ещё пять часов тому, обязан был появиться, действительно исчез и Картузов не знал, что думать. Уехал изобретатель в большой тревоге, явно боялся, а теперь его нет, прибор стоит под стойкой и как быть дальше, Максим плохо себе представлял. Кого ждать в гости? Насколько опасны знания, которые он обрёл сегодня? Чего ждать в дальнейшем?.. В любой момент могли появиться «кредиторы» Радомира и потребовать своё, а заодно, разобраться с нежелательным свидетелем. Кто знает, что Радомир мог им наговорить? Чемоданчик под стойкой тяготил Картузова, таил опасность, а ответственность за прибор, способный полностью изменить жизнь на Земле, а то и уничтожить её, была столь велика, что оказалась для него непосильной ношей. Весь день он размышлял о Проводнике, как называл его создатель и чем больше думал, тем меньше Максиму нравились свои мысли. Пук травы, которую он отмыл от крови и поставил на уголок стойки в чистый стакан, вопил об этом на весь прокат. Ведь с помощью Проводника вполне можно притащить на патриархальную планету что угодно! От яйца динозавра и вируса, способного убить всё живое, до оружия, о котором лучше даже не думать. Неизвестные наркотики и самые разнообразные «гаджеты», вплоть до волшебства, как это ни парадоксально, появятся в мире и легко разрушат его.

«А может просто уничтожить?» – думал Картузов. – «Разбить, разломать и выбросить на помойку? Или открыть сейчас окно в мезозой и просто зашвырнуть в него сам Проводник? И чем вообще для мироздания опасно создание множества миров?»...

Вот с такими думами на лице, застала Наташа своего мужчину, в котором души не чаяла.

– Что же ты молчишь, Максим? Говори, что стряслось сегодня утром. И какой флорист принёс тебе эту ужасную икебану? – допытывалась Наташа, указывая на страшненький пучок растительности, стоящий в стакане. Вид жухло-салатной травы с красноватыми прожилками был действительно странен и отталкивал. – Что это? И что у тебя с рукой? – продолжала она сыпать вопросы, заметив лейкопластырь. Картузов вздохнул.

– Это трава. Просто трава. Только она,.. африканская, понимаешь? А с рукой ничего страшного – о траву порезался, когда рвал.

– Та-а-к, – протянула Наташа, не сводя глаз с Максима. – Ну, осталось узнать подробности. Я жду.

Максим взглянул на неё вымученным взглядом и решился:

– Что ж, слушай ... – и он рассказал всё, что произошло сегодня за день.

Внимала Наташа, стараясь не пропустить ни слова, ни разу не перебив и не отрывая от рассказчика глаз. Когда Картузов закончил свой монолог, она дала свою оценку не сразу. Подумала немного, мрачно вздохнула:

– Эх, Максим Андреевич, будь это не ты, я б вызывала уже психиатрическую, но,.. это ты, да. Ты нормален, белой горячки нет, трава непонятная в стакане перед глазами стоит, рука порезана, чемодан вижу... Та-а-к... Не буду тебе напоминать, – язвительно напомнила Наташа. – Но я предупреждала – Радомир хитрый и умный. Он не мытьём, так катаньем, втянул тебя в свои игры. Серьёзные игры, Максим! А ты, как всякий мужчина – эгоистичный авантюрист, не подумал даже о том, что Наташе будет очень больно, если с тобой случится беда. Ты шагнул, да! Прямо в «Африку»! А не вышел бы оттуда, тогда как?

Максим виновато молчал, признавая правоту подруги и коря себя за легкомыслие, но теперь уж что?..

– А теперь что? – как эхо его мыслям откликнулась Наташа. – Теперь давай думать немного, выходить из ситуации. Только вначале я тебе расскажу о своём папе. Знаешь, почему папы не стало? Нет, не знаешь, так слушай меня. Он выполнял обычный учебный полёт. Новая машина, недавно в серию пошла. Он специально ездил переучиваться для полётов на этой машине. Самолёт отказал, случился пожар, двигатель у него загорелся. Папа мог катапультироваться и спастись, но внизу был город. Он увёл самолёт, никто не погиб: город цел, люди живы. Погиб только папа. Ему дали Звезду Героя. Она хранится у мамы, вместе с фотографией. Мама никогда не корила папу, за то, что он не стал спасать жизнь. Она понимала – он жить бы не смог иначе. Я очень горжусь им, очень. Любому, кто скажет о нём плохо, глаза выпарапаю!.. Зачем я это рассказала?.. Я так думаю, Максим, что ставить под удар жизнь нужно только спасая город, людей, ребёнка, но не так бездумно. Прости меня за отповедь, да. Только я такая же, как мама. И бабушка тоже. Мы один раз любим, понимаешь? Не делай мне больно, ладно? – Наташа закончила говорить, а по щеке её скатились слёзы.

Максим встал, нежно прижал к себе её голову. В горле стоял комок из вины, жалости, любви и ещё чего-то неведомого, горячего и рвущего душу. Он лишь сейчас осознал, что помогая Наташе выпутаться из одной беды, невольно втянул её в другую – возможно, гораздо худшую.

– Прости меня, Наташа. Прости. Я виноват, знаю.

– Уже простила, как иначе? – Наташа отстранилась и улыбнулась сквозь слёзы. – Я же твоя половинка. Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит – так говорил великий писатель, да? Куда я без тебя?.. Давай думать, что делать.

– Давай, – вздохнул Картузов с некоторым облегчением.

– Только мы дифференцируем, да? Ты будешь делать, а я думать, хорошо?.. И не спорь со мной, милый. Ты уже подумал, порешал – моя теперь очередь.

– А ты действительно язва, – с умилением сказал Максим. – Только такая, незлобивая, правильная, да?

– Немного есть, да, – подтвердила Наташа. – Теперь так, Радомир, кажется, уж не придёт, ты и сам понимаешь. Что он наговорил там, мы не знаем – будем на худшее рассчитывать. Этот прибор – Проводник – нужно прятать. Не уничтожать, это глупо поступать так, что бы исправить нельзя было. Только прятать, а если за ним появятся, спросят – в отказ идти: «не видел, не знаю, мне зачем?»... Самому прятаться глупо – найдут и прятки эти подтверждением

вины будут. Ты согласен?.. Вижу, согласен, – Наташа выдохнула речь, взглянула на Максима и продолжила. – Сейчас я на улицу пойду, погуляю пять минут, траву эту, гадкую, выброшу и посмотрю, всё ли спокойно. Вызову машину и увезу чемодан этот домой.

– Зачем тебе дома эта гадость,.. – начал Картузов.

– К тебе домой, глупыш. Я целый день у тебя провела, ты не знал.

Максим только глазами хлопал, но хлопал облегчённо – Наташа действительно как-то сразу разрядила обстановку и обрисовала дальнейшие действия.

– И никому про это не рассказывай, слышишь? Ни одной душе живой. Только я и ты. Договорились?

Максим кивнул.

– Всё, я пошла, – с этими словами Наташа сгребла всю траву в газету, а газету засунула в мешок из мусорного ведёрка. Вынула его и двинулась на выход. В это время подошёл клиент, Картузов начал его обслуживать.

Вскоре Наташа вернулась. Деловито достала из сумочки здоровенный пакет, подала его Максиму:

– Пакуй туда чемоданчик. Только заверни в свою куртку, чтобы пакет был бесформенным.

– Ты, прям, шпионка у меня, – подивился Максим.

– Детективов начиталась, – ласково огрызнулась Наташа. – Теперь слушай: из проката ни ногой, пока я не подъеду на машине к девяти. Быстро закроешься и едем домой. Только без экстрима, ладно? Если вдруг появятся, говори, как решили. Обещаешь?

– Обещаю, – покорствовал Максим.

– Умница ты моя, – разулыбалась Наташа. – Ведь можешь, если захочешь... Я уехала, машина ждёт, – с этими словами она легко подхватила довольно увесистый пакет и умчалась. «А она сильная», – подумал Максим. – «И стойкая». На часах было восемь вечера.

А в половину девятого в помещении проката появился тот самый «сын», спрашивавший намерения о Радомире.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Максим. – Чем могу?..

– Здравствуйте, помните меня? – парень, не мигая, глядел на Максима.

– А-а, это снова вы? Ну как, нашёлся папа? – Картузов старался говорить спокойно и глаз не отводил, хотя внутри натянулся первой скрипичной струной.

– Нашёлся, тем же вечером. Да вот беда – умер папа. Сегодня, – верзила смахнул несуществующую скупую слезу. – А мне уезжать завтра, как на грех. Вот бегаю, решаю папины вопросы – ему-то уж никак. Это ваше? У отца в кармане лежала, – он протянул Картузову квитанцию проката. Максим посмотрел.

– Наша. Так Радомир Карлович – папа ваш? Какое несчастье! Ведь совсем ещё не старый. Инфаркт?

– Инсульт, – зло сказал верзила. Потом опомнился. – Я к тому, что он должен что-то? Не хочу, чтобы за отцом долги оставались.

– Вы не волнуйтесь. У нас же деньги его в залоге. Сто рублей. Вы хотите вернуть кассету?

– Да нет, бог с ней, раз залог у вас... А он ничего не оставлял? Может по рассеянности или сохранить?

– Что вы, – очень натурально удивился Максим. – Нам запретили хозяева любые вещи брать от клиентов, строго-настрого, иначе уволят. Терроризм, сами понимаете. А за вещами посетителей мы следим, чтоб не забывали, – Максим был очень убедителен.

Ясно, – протянул верзила. – Ладно, извините за беспокойство.

В это время, под звяканье открывшейся двери, показалась голова его напарника, как понял Картузов.

– Ну, что? – спросила голова.

– Иду, – хмуро отвечал «сын Радомира» и направился к выходу.

– И угораздило ж ему травануться, гаду, – донесли до Максима последние слова напарника, перед тем, как дверь закрылась.

Максим понял – Радомир никогда не придёт. Он умер. Так и не дождавшись излечения. Умер от припасенного яда.

Без пяти минут девять к прокату подъехала белая девятка. Это было такси, в котором Наташа приехала за Максимом. Она зашла в зал, увидела его и всё поняла.

– Приходили?

Максим молча, кивнул.

– И что?

– Радомира больше нет. Он умер. Я случайно услышал их разговор – он отравился, сам. Наташа помолчала, затем вздохнув, произнесла:

– Сурово всё. Чтобы заставить его отравиться должна быть веская причина.

– Боялся не выдержать, если начнётся допрос. Боялся, Проводник попадёт в руки компании, которая заходила сегодня. Он – человек ответственный. Раз так решил – другого выхода не было. Сильный человек. Жаль его, – Максим был по-настоящему серьёзен. Таким Наташа его ещё не видела.

– Ты решил, как быть дальше?

– Решу. Не сейчас. Наташа, мне не нравится, как эти люди себя ведут. Мне страшно за тебя. Опасаюсь, я навлечу на твою жизнь худшие неприятности, чем у тебя были до сих пор. Одно утешает – уедешь и будешь далеко от всего.

– Дурачок, – беззлобно подвела итог Наташа. – Закругляйся, поехали.

– Уже, – Максим поднялся и пошёл на выход за Наташей. – Не хочу думать об этом сегодня, подумаю завтра. Нам так мало осталось вместе.

По дороге домой, они сели рядом на заднем диване. Максим взял Наташину руку в свою, а она склонила голову на его плечо. И вот, чудо – все неприятности, проблемы, негатив, дурное настроение – отступили, забились в потаённые норы, развеялись. Стало тепло душе – они готовы были так ехать до самой Риги и обратно, но машина уже через семь минут затормозила у парадной.

А дома Максима ждал сюрприз перемен. Наташа молчала, как красный партизан на допросе, весь упаковочный мусор пребывал в месте, для одного предназначенном и внешне ничто новизны не предвещало.

Когда Максим разделся и переступил порог комнаты, Наташа, зашедшая раньше, включила свет, стояла посреди и громко пропела: «Па-ба-ба-бам!»

Он застыл удивлённый, ошарашенный новшествами, оглядывал преобразившуюся комнату, а в центре подбоченившаяся Наташа, водрузила на журнальный столик правую ножку и привздёрнула длинную юбку до середины бедра.

– Ну, как, – победно спросила она. – Нравится?

– Ты о ножке? – пошутил Максим. – Очень нравится, теперь ни о чём другом уже не думается.

– Маньяк, – ласково усмехнулась девушка и сняла ногу со стола. – Ты вокруг оглянись!

Нет слов, Наташка! Даже не стану сетовать по растроченным средствам – знаю, обидишься. И когда ты успела?..

– А шторы как, нравятся? А это? – и Наташа плюхнулась на диван, поджав ноги и оголив при этом округлые коленки, а руками оглаживая толстое покрывало. У Максима заныло...

– У тебя бездна вкуса, хозяйшка.

– Ты взгляни на спальню, ещё не всё видел, – ей хотелось, чтобы Максим охватил всё сразу и всем тотчас восхитился.

– Ну, ничего же себе, буревятнички, – поразился Максим, а Наташа при этом хитро потупилась. Он понял, это ещё не всё и раздвинул дверцы шкафа. На него смотрела куча обновок, привыкая к хозяину, а он смотрел на них, непривычный к таким дорогим вещам, стесняясь их и чувствуя неловкость.

– Ой, Наташа, куда мне столько! – только и сказал он. – Да как же ты, когда... ой, спасибо тебе огромное, даже не знаю, что сказать.

– Мне вполне достаточно «спасибо», но лучше поцеловать, – проворковала она.

Максим сгрёб её в охапку, целуя и вдыхая, уже ставший родным, запах жасмина с горьковатой ноткой... Наконец, Наташа начала мягко высвобождаться, шепча:

– Ну всё, всё, Максимка, хватит. Давай я ужином тебя кормить стану.

– А может быть потом? – прошептал Максим, плохо уже соображая, причём тут ужин.

– Можно и потом, – согласилась Наташа...

Позже, они сидели на кухне: Максим в своём стареньком махровом халате, а Наташа в шёлковом, китайском: бордовом с вышитыми золотыми драконами, который купила сегодня.

Он ел солянку. Ел и нахваливал – обжигающую, ароматную, вкусную до невозможности – приготовленную её руками. Ел, шурясь от удовольствия, и не мог наесться; а она сидела напротив, положив голову на кулачки, смотрела на него, тихо улыбаясь, греясь своим счастьем и отгораживаясь им от остального мира.

Ещё два дня. Бесконечные два дня они будут вместе – целая вечность, когда они впереди и один миг, когда они пробегают.

Глава 13

Наташа – Счастлива вопреки

После ужина, Наташа сварила две большие чашки колумбийского кофе, и они отправились в комнату. Девушка решила собрать новую аппаратуру и научить Максима ей пользоваться.

Техника была действительно роскошная. Шёл 1994-ый год и такой комплект аудио–видео могли себе позволить очень немногие. Все блоки были чисто японской сборки, пахло по-особому: по-новому.

Наташа была опытным пользователем. Она быстро подключила антенну и видеоманитон к телевизору, собрала аудио из двух блоков: усилитель-ресивер и проигрыватель дисков, подсоединила колонки, вставила батарейки в пульты дистанционного управления. Максим, попивая кофе, наблюдал за процессом с интересом и восхищением: «Вот это девушка!»

– Сейчас настроим, – деловито пообещала Наташа и запустила автонастройку каналов. Через короткое время синий экран мигнул и на первом канале включился какой-то фильм на военную тему.

Максим был удивлён качеством изображения и цветами, которые Наташа тут же начала подстраивать и сделала более естественными и чёткими.

– Видеокассета у тебя есть? Хотя... глупый вопрос, прости.

Максим улыбнулся, а Наташа полезла в сумочку и достала свою кассету, припасённую на такой случай – фирменную с диснеевским мультфильмом «Русалочка» на английском языке.

– Лет через пять кассеты уйдут в прошлое – пластинки вытеснят, типа компактв... Ну, давай учиться. Я основное покажу, а потом сам считаешь про дополнительные функции – подробная инструкция на русском прилагается.

Они уселись рядом на диване, Наташа показала, как включать – выключать технику, переключать каналы, регулировать громкость. Потом поставила мультфильм и начала учить пользоваться видео. Мультфильм поразил феерией красок. Максим схватывал быстро: всё интуитивно и доступно, похоже на пульт от видеодвойки «Акира», непонятного происхождения, что стояла в прокате, только функций было намного больше и качество изображения несравнимо. Дошла очередь до музыкального центра. Наташа достала пластинку «Пер Гюнт» Альфреда Шнитке, купленную в одной из поездок по Европе, загрузила в проигрыватель, сделав минимальную громкость. Шнитке писал балет по просьбе хореографа Джона Ноймайера. Музыка маэстро – экспрессивная, насыщенная чувством, чистая, разлилась и затопила воздух, подчинила эмоции и Максим заслушался. Небалаванному учителю казалось, что он сидит в зале, вот жаль, слишком тихо...

Музыка оборвалась. Максим даже вздрогнул от неожиданности и увидел глаза Наташи, внимательно следившие за ним.

– Нравится?

– Очень. Откуда ты узнала, что мне по душе такая музыка? Кто это?

– Это Шнитке – Пер Гюнт... Она мне по душе. Значит тебе тоже. Мы очень рядом – заметил?

– Не задумывался, если честно.

– Не говори так – ты всегда со мной честен. Разве нет?

– Да, Наташа,... словесный мусор, прости.

– А если так, то слушай. Внимательно, только душой. Ладно?

– Весь твой, солнце моё.

– Я о том и хотела говорить. Ты весь мой, я – твоя. Это правда.

Наташа вздохнула, словно готовилась к важному, неотложному, главному – тому, после чего дороги обратно нет и ты либо продолжаешь двигаться вперёд, либо падаешь вниз с обрыва.

– Слушай меня старательно, милый, для меня это слишком важно... Ты не звал меня, не звал, знаю. Чувствовала, знала, никогда не позовёшь. Робок ты слишком и себя оправой мне не считаешь. Но я угадываю правду: ты хочешь этого больше жизни самой. Ты не звал меня и я пришла. Сама пришла – неожиданной, но желанной. Пришла просить – позови меня, я вся твоя. Позови и ни о чём не думай. Прошу тебя...

Наташа замолчала, выговорившись. Она ждала ответа, не сводя своих синих озёр с Картузова – озёр, в которых он утонул давным-давно.

Максим растерялся. Он не видел ясно, как ответить на её зов, не мог ещё правильно осознать её желание и смешался.

– Что ты молчишь, Макс? Я что, не хороша для тебя?

– Да как ты можешь! Это я для тебя...

– Вот это не тебе решать, да! – нервничая, Наташа начинала добавлять своё «да», как отрывистое щёлканье бича, ставившего собеседника на место.

– Но, что я могу, Наташа? Я растерялся...

– Растерянный, да?.. Ты меня в жёны собираешься звать или нет?

– Наташка,.. голова кругом... Я бы самым счастливым был, сама знаешь. Но разве это возможно?

– Знаю, что был бы, а почему не зовёшь тогда? Я женщина, ты мужчина, мы свободны, мы любим – почему мы не можем пожениться?

– Так недосыгаемо, не про меня, словно... Ты уедешь, в Петербург не вернёшься...

– А, что, Максим Андреевич, после отъезда моего, другая появится, да? Какая тебе разница, если любишь? «Разлука научит тебя любить по настоящему» – помнишь эти слова?.. Ты долго ещё будешь сомнения свои жевать, мужчина?..

Картузов нежно прикрыл ладонью её рот и произнёс:

– Не будет других у меня. Никогда, помни. Не нужен никто. Только ты. Я люблю тебя, Наташа! Первый раз я так хочу того, что скажу – будь моей женой, если считаешь возможным... Вот, позвал, – Максим смотрел с вопросом на девушку.

– А почему молчал так долго? Сомневался в себе или во мне?

– Только в том, что не пара тебе. Больше ни в чём.

– За меня не решай, да?

– Я не понял, ты согласна?

– Завтра в двенадцать дня мы с тобой женимся, Максим!.. А теперь целуй уже меня скорее, позже всё объясню.

Максим, плохо понимая, не нашёлся в словах и просто обнял свою... невесту.

– Как же завтра, Наташа? – спросил Картузов, намного позже. – Мне ведь на работу нужно выходить. И потом – так сразу не регистрируют, там ждать нужно месяц, а то и два.

– Ты недооцениваешь свою будущую жену, прозорливый мой, – Наташа лежала на его груди и водила пальцем по плечу, объясняя голосом, каким говорят с детьми. – На работу тебе выходить не нужно – Аким выйдет, будет трудиться до следующего воскресенья. А потом ты его подменишь, отработаешь. Пойдёшь утром, сдашь ему смену. Я позвонила Танюшке – мы обменялись телефонами – объяснила ситуацию и она всё устроила. Таня, кстати, будет моим свидетелем в загсе, а твоим будет её старший брат.

– А загс?

– Ты даже не представляешь себе, что могут сделать всего сто долларов, – улыбнулась Наташа. – Нас ждут с твоим заявлением, симфоническим оркестром, фейерверком и красной ковровой дорожкой... Это шутка, конечно. Подойдём без десяти, заполним заявления, а ровно

в двенадцать часов нас распишут честь по чести и тебе не отвертеться, понял? – она потешно хихикнула. – Я – девушка порядочная, как любила говорить моя бабушка.

– Славная у тебя бабушка... А паспорт?

Наташа вскинулась:

– У тебя не в порядке паспорт? – спросила она встревожено.

– Мой в порядке, а твой?

– О-о-о – облегчённо протянула Наташа. – У меня их целая пачка, мне же вернули документы, диплом... Разве я не говорила?

– Как это, пачка? – удивился Максим.

– Ну вот, считай: паспорт гражданина Латвии, загранпаспорт латвийский, паспорт гражданина России и российский загранпаспорт.

– А ты гражданка России?

– Конечно. У меня папа русский и я наполовину русская. Владимир мне сразу сделал российские документы, как приехали, чтобы проще было жить и ездить... А ты свой потом поменяй, хорошо? Не хочу я других женщин в твоём паспорте. Только я буду. Ладно?

– Ладно, ревнивая девушка... и как же я его поменяю?

– Ты его вилкой поковыряй немножко, скажешь – собака постаралась и поменяют тебе, что тут думать? – рассмеялась Наташа.

– Как всё просто, когда ты рядом.

– Просто я рядом... Мне пора ехать, родной. А ты спи, завтра будет важный день, да? Наташа выходит замуж. Первый и последний раз. Ты помни это, хорошо?

– Хорошо... как же здорово ты всё придумала, Наташка.

– Я такая, да – здоровская!

– Наташа...

– Да?

– А у меня нет других женщин в паспорте. Я же его менял: советский на российский. Недавно менял... Нет у меня других женщин... любимых женщин – ты будешь первая, теперь я это знаю...

Наташа, не отвечая, смотрела на Максима – больше всего ей хотелось остаться и никуда не ехать.

– Наташа...

– Да?

– Я люблю тебя.

– А как ты меня любишь, расскажи.

– Как до Солнца.

– И обратно?

– И обратно.

– А я – тебя... Провожай меня, лежебока, – Наташа, как пёрышко на ветру, выскользнула из кровати.

Утром он вышел из дому пораньше, чтобы передать смену. По дороге заглянул в кондитерскую и купил коробку пирожных. Придя в прокат, Максим всё оценил внимательным взглядом, разложил аккуратно, вымыл полы, стёр пыль.

Вскоре появился Аким – рот до ушей, глаза смеются, в руках цветы.

– А свадьбу ты всё же зажал, дядя Максим! – памятуя о том, что обещал общаться на «ты», шутливо упрекнул он Картузова.

– Я сам про неё позже тебя узнал! Это всё Наташа организовала.

– Да, некоторым повезло – такая девчонка раз в жизни бывает, да и то у одного на миллион. Умница она и правильная до ногтей. Кстати, на тебя похожа, только деловая и активная,

как три фокстерьера сразу. Не боишься, Максим Андреевич? Она ведь тебе спуску не даст, на печке греться не получится... Знаешь, когда она приходила в прокат, я смотрел на неё, как на инопланетянку – девушку из другого мира: красивая, словно на картинке, одета дорого, украшения, манеры – держит на дистанции... Уходит и ещё час дорогими духами пахнет... А познакомились – оказалась своим парнем. Я очень рад за тебя, Максим, очень! Вот, Наташе передашь, ладно?

– Сам и передашь! – раздался знакомый голос под звон колокольчика. В дверях стояла Наташа, подсвеченная солнцем, в облегающих чёрных джинсах, кроссовках и белой курточке, по которой разметались золотые волосы.

– Привет, невеста, – Аким протянул цветы, продолжая ухмыляться. – Поздравляю! А хорошенькая до чего – глаз не оторвать!

– Вот, Максим, учись у напарника делать дамам комплименты, – Наташа подошла к Акиму и поцеловала в щёку. – Спасибо, Кима, ты так выручил. Ты хороший!

– Да ради бога! Обращайтесь на неделе! – Аким смутился, скрываясь за шуткой.

– Вы уже сменились?

– Пятнадцать минут, – отвечал Максим. – Делай пока чай, а мы посчитаемся.

– Вот, Кимка, все мужчины во все времена одинаковы, как в том мультфильме: вначале – «Я подарю тебе утреннюю звезду», а потом всю жизнь сковородку чистить, – шутила Наташа, готовя чай.

– Все невесты тоже ласковые обаяшки, – парировал Аким. – Откуда только злые кобры берутся?

– Всё зло от вас и клевета от вас! Злословием вы женщин окружили, а про дела мужчин... ни-ни, ни слова!.. – что скажешь, юрист?

– Сдаюсь на милость прокурора! – Аким поднял руки. – Тебя не переспоришь, такой нужно было в адвокатуру идти.

– Никогда, – посерьёзнев вдруг, ответила Наташа. – Не могу я всех защищать: невиновных, виновных... не моё.

– Уважаю, – тоже серьёзно ответил Аким. – Сам не могу. Окончу универ, юрисконсультom буду. Мне нравится договора составлять, документы править и чиновникам ножку ставить, чтобы не подкопались. Хочу на морском праве специализироваться.

– Ну и молодец! – резюмировала Наташа. – Чай готов!

Через полчаса, напившись чаю, Наташа с Максимом вышли из проката.

– Максим, ты домой иди, а я ещё пару вопросов решу и тоже к тебе подъеду. Договорились?.. Дай-ка руку, – неожиданно попросила Наташа.

Максим, не понимая причины, подал левую руку.

– Не эту, правую дай, – она внимательно посмотрела на руку Максима. – Ясненько, ну ступай, жди. И цветы возьми, поставь в воду. А молодец, Аким, – и она легко упорхнула налево по улице.

Максим шёл к дому, не торопясь, любуясь уже третьим солнечным днём подряд – в достатке прохладным, но по-прежнему, радушно сияющим романтической живостью красок, а голова его была настолько светла пустотой и лишена мыслей, что вызывала удивление даже у собственного хозяина. Все нежданные думы, в бессильной попытке омрачить сегодняшний день, тут же выдувались ветерком счастья. Мыслить и решать не желалось – только просто жить и стоять под этим ветерком, наполняющим душу надеждой и мечтами; ведь мечтать не вредно даже о том, о чём нельзя думать.

В коридоре встретила Роза Семёновна. Увидев Максима дома, она всполошилась:

– Максим, дорогой, что случилось? Ты же на работе должен быть!

– Всё в порядке, Роза Семёновна, не волнуйтесь. Я поменялся до конца недели – сменщик за меня работает... Свадьба у меня сегодня!

– А кто женится? Друг, однокашник?... Ты только не злоупотреби, Максим, ты же знаешь, тебе не следует... А Наташа пойдёт с тобой?

Максим улыбнулся, с каким-то странным обожанием глядя на соседку:

– Наташа? Наташа пойдёт, как же без неё... Вы не поняли, Роза Семёновна – это наша свадьба. Наша, понимаете – моя и Наташина. Мы женимся.

– Ой! – Роза Семёновна схватилась за сердце. – И молчал!

– Да я сам узнал только вчера ночью, – улыбнулся Картузов. – Наташа рассказала.

– Как это? – удивилась женщина.

– Вы, что, Наташу не знаете? С ней лучше не спорить, – пошутил Максим.

– До чего же исключительная девушка! Я так рада за вас... Пойду, валерьянки выпью, разволновалась что-то, – и соседка удалилась к себе, переживать окружавшее – такое удивительно-приятное эти последние три дня. Максим с улыбкой поглядел ей вслед и пошёл осваивать новую технику.

Картузов слушал «Мировые шедевры классической музыки», перебирая пластинки и радуясь, как ребёнок, когда раздался дверной звонок. Один раз – значит к нему. «Наташа вернулась», – обрадовался он и пошёл открывать.

Это была действительно она: возбуждённая, запыхавшаяся, с весёлыми глазами. Пахла она осенью и ... Наташей, по-другому Максим не смог бы охарактеризовать этот запах, но знал его и не мог спутать с другими.

– Это действительно я! Быстро управилась?... Максим, уже десять, у нас полтора часа. Нужно всё продумать, не забыть... На-ка, примерь, должно быть впору, – она протянула ему коробочку. Там лежали два узких обручальных колечка – не простые – манерные: две выпуклые ленты, белая и золотая, перевивали друг друга. Максим взял своё кольцо в руку, оно было тяжёленьким. Одел – точно впору.

– Красиво, Наташа. Я, вообще, кольца не ношу...

– А это будешь носить. Скажи, что будешь.

– Буду. Его ты оденешь, значит буду.

– Красиво, да? – Наташа тоже надела своё колечко. Оно очень перекликалось с её перстнем и Максима слегка кольнуло.

– Перстень тебе он подарил?

– Я его сама покупала. Его и серьги, в Амстердаме. Даже не так – делала на заказ по своему эскизу.

– А ты и рисуешь ещё? – Картузов удивился.

– Да, рисую, даже хотела художником стать – передумала вовремя. Я не гений, просто окончила художественную школу в Риге. А что?

– Завидую! Всегда завидовал тем, кто умеет хорошо рисовать и играть на фортепьяно двумя руками.

– Нет, на рояле я не играю, – рассмеялась Наташа, если только стоя и в преферанс... – Максим! – вдруг истошно выкрикнула Наташа, чем перепугала Картузова.

– Что случилось?!

– Какая же я дура! У тебя есть костюм?... У тебя нет костюма – я же сама вчера раскладывала твои вещи!

– Ну как же, а тёмно-серый в тонкую полоску...

– Это не костюм! Собирайся,.. а, ты собран. Поехали!

Спускаясь по лестнице, Наташа вызывала такси и через пятнадцать минут они уже подъезжали к магазину «Том Тейлор». На покупку тёмно-синего с редкой красной искрой, костюма из английской тонкой шерсти ушло ещё пятнадцать минут. Фигура у Максима была как у манекена, костюм сидел отлично. Там же были куплены три бледно-голубых рубашки, два галстука и ремень. Такси ждало на улице. К одиннадцати они были дома.

– Одевайся, машина будет через полчаса. Нужно ещё за цветами заехать – я невеста, или просто так?.. Давай милый, шевелись, пожалуйста, – Наташа схватила пакет и коробку с обувью и пошла на выход из комнаты.

– А ты куда? – удивился Максим.

– К Розе Семёновне. Ты не должен видеть, как я одеваюсь. Плохая примета.

Максим оделся. Он сразу почувствовал себя более значимым, уверенным и успешным. «Вот как одежда меняет человека. Прав Чехов, прав», – подумал Картузов.

Вскоре появилась Наташа. У Максима дыхание перехватило от восторга, когда он её увидел. На ней было белоснежное, отдающее в синеву, платье из трикотажного кружева до середины колена и венок с фатой до плеч, на ногах белые колготки и белые туфли на высокой шпильке – Наташа даже стала ростом с него, а в коридоре стояла Роза Семёновна, улыбалась и утирала слёзы.

– Бог мой, Наташа, как же ты хороша! – Максим глаз не мог отвести от своей невесты.

– Всё для тебя, любимый. Ты ничего не забыл? Аппарат, что я приготовила?.. Роза Семёновна, спасибо вам за помощь. Пожелайте удачи. Всё, поехали.

Внизу уже ждал огромный чёрный Мерседес, надраенный до блеска с важным водителем в костюме. Он открыл перед будущими молодожёнами дверцу, они сели на просторный роскошный диван и машина тронулась в путь.

Максим пожалел, что до загса всего десять минут езды, так ему понравилось ехать в этом лимузине. По дороге они остановились у цветочного магазина. Максим побежал за цветами и вернулся с роскошным букетом белоснежных роз, которые передал Наташе.

Картузов видел, она нервничает. Лицо слегка побледнело и как-то заострилось, а улыбка стала несколько скованной, искусственной – словно она насильно заставляла себя улыбаться. Она точно бы толкала себя вперёд – упиралась и продолжала толкать, вызывая некоторую растерянность Максима. Что это? Желание передумать в последний момент? Чувство совершаемой ею ошибки? Опасение быть узнанной и огласки события?

– Наташа?

– Да, милый? – она вздрогнула, когда он обратился.

– Ты не жалеешь о своём решении? Мне показалось... Наташа, ещё можно всё отменить.

Она вцепилась в него глазами, ища то ли своё отражение, то ли желание сбежать в последний момент, так, по крайней мере, понял её взгляд Максим.

– Ты, что, раздумал?

– Я счастлив, но мне почудилось...

– Нет, Максим, нет... Это другое... Когда ты приедешь ко мне в Ригу, мы будем венчаться... Ты крещёный?

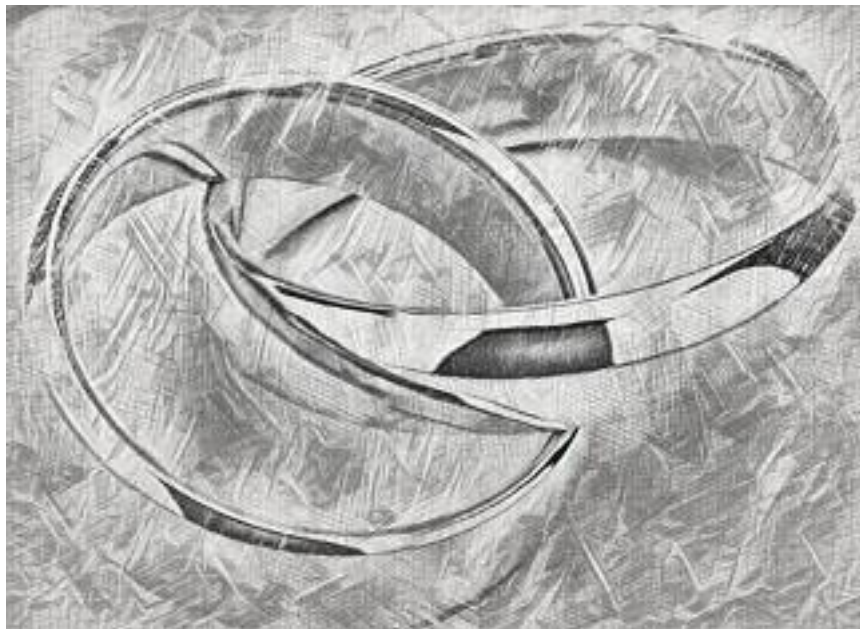
– Да. По традиции, у нас все в семье...

– Это правильно, миленький мой... И мама будет видеть. Она расстроится, что не была со мной сегодня, но я всё объясню. Объясню правду, как есть – я не врала ей никогда, только по телефону отсюда, когда... – Наташа перебивала Максима и говорила быстро, сбивчиво, всё сразу, словно и не ему, а себе самой, пытаюсь оправдаться и доказать – она поступает единственно верно.

Максим понял её, взял за руку и потёрся о Наташин висок.

Машина подъехала к загсу.

– Я буду счастлива с тобой, Максим! Обязательно буду! – вдруг горячо зашептала Наташа. – Вопреки всему злу, что я видела в жизни. Вопреки всему миру, который был против. А ты должен мне верить. Просто верить и не спрашивать «почему». Ты сможешь?
Максим молча кивнул.

Глава 14

Свадьба

У входа в загс стояла Танюшка, а рядом с ней её «мужской вариант», родился она мальчиком – высокий, красивый, очень мощного сложения, парень, лет двадцати пяти с букетом алых роз. «Вот и свидетели», – подумал Максим и посмотрел на Наташу. Та, казалось, стряхнула с себя всю нервозность, неуверенность и вновь выглядела как обычно: улыбочиво, любопытно, энергично.

– Вот и ребята, молодцы, не обманули, – она помахала им рукой от машины и обратилась к шофёру. – Вы тут будете стоять, да? – получив утвердительный ответ, взглянула весело на Картузова. – Пошли Максим, будешь сдаваться Наташе. Холостая жизнь закончена!

Невозмутимый водитель свадебного лимузина, услышав слова невесты, не выдержал и рассмеялся.

Узрев Наташу, у Василия – Таниного брата – лицо вначале вытянулось, а потом расплылось в кисельной улыбке и поглупело. «Нашего полку прибыло», – подумал Максим. Они подошли к своим свидетелям, познакомились с Васей, как его тут же окрестила невеста, взамен представительского: «Василий» и зашли в помещение. Там уже томила одна пара, и Наташа получила восхищённый взгляд от жениха, одобрительные от гостей и расстроенный с вызовом от невесты.

Вообще же на Наташу оглядывались буквально все, от милиционера на входе, до подгулявших студентов, сачковавших лекцию и закончивших свою скромную трапезу, состоящую из дешёвого портвейна и двух белых в ближайшей пирожковой.

Она всегда притягивала взгляды, а сегодня была неоспоримо блистательна, по-другому не скажешь. Это была самая яркая звёздочка в созвездии Петербурга, и недоумение Максима лишь росло день ото дня: как вышло, что она позволила двигаться по её орбите.

– Пойдём за мной, Максим, – позвала Наташа и повела его в кабинет заведующей. Там их встретила улыбочивая полная женщина бальзаковского возраста и, рассыпаясь в комплиментах, не переставая тараторить, проверила паспорта, выдала бланки заявлений и попросила их «быстренько заполнить, время поджимает, ещё одна пара в вашем положении – нужно успеть». Картузов подумал, что «успеть» у такой заведующей получится, тем более, работает она не за страх, а за интерес.

– Вы просто герой труда, – не удержался он. – Вам в мэры баллотироваться нужно, я бы проголосовал.

– Молодой человек, там слишком хлопотно, а у меня здоровье слабое. Вы лучше пишите повнимательнее, чтобы ошибок не наделать, – улыбнулась она.

– Максим Андреевич – профессор университета по специальности русский язык и литература, – вмешалась Наташа. – Он не ошибается. Да, милый?

Картузов покраснел и стал заполнять бланк молча.

– Фамилии менять будете? – поинтересовалась королева загса.

– Остаёмся при своих, это не обсуждается, – твёрдо ответила Наташа. Картузов не обиделся. Наташа раньше ему объяснила, что обещала маме: папина фамилия не умрёт, а он был последним в роду Соколовых. Почти всех выкосила война.

Прочитав заявления и сверив данные, заведующая пригласила их в зал, откуда уже выходила та самая пара, что ранее ожидала своего часа холле. Выданная замуж личность одарила их счастливой улыбкой, а они с Наташей, Василием и Татьяной прошли в зал – ещё одна рокировка с молодожёнами. Конвейер по производству «ячеек общества» работал безостановочно. По дороге в зал, Наташа взяла у Максима фотоаппарат-мыльницу «Никон» и попросила одну

из молодых особей мужского пола, от гостей следующей пары, их поснимать. Не сводя с Наташи округлившихся глаз, особь с энтузиазмом согласилась.

Далее всё следовало протоколу, без отступлений, только речь первой фрейлины, замещавшей королеву, была сведена к минимуму. Уже через десять минут муж и жена: Сокольская Наталья Сергеевна и Картузов Максим Андреевич, привыкая к своему новому статусу, улыбаясь и чуть свысока поглядывая на томящуюся в холе пару, у которой ещё всё впереди, вышли из загса показать себя людям.

У Наташи всё было продумано. Они вчетвером загрузились в Мерседес и поехали в ресторан «Охотничья изба», стоявший в сосновом лесу под Павловском, где Наташа заказала столик на четверых.

Компактная свадьба оказалась весёлой. Девушки нарядно щебетали, а мужчины наслаждались их обществом. Вася оказался довольно компанейским и разговорчивым – взял на себя роль тамады. Он знал множество тостов, анекдотов и забавных историй. Время пролетало незаметно.

Они танцевали: Максим и с Наташей и Таней, а Вася лишь пару раз с Наташей, принципиально отказываясь танцевать «с этой мелочью», как он шутя называл сестру. Наташу, при этом, он держал и вёл настолько бережно, словно она была сделана из саксонского фарфора.

Обошлось без драк и неприятностей. Правда, один парень из небольшой подгулявшей компании, отмечающей какую-то сделку, попытался пригласить Наташу на танец, но Василий, выложив на стол кулаки, каждый величиной с небольшой арбуз, посмотрел на него недобрым взглядом и пророкотал басом: «Она не танцует». Охоты к танцам у кавалера вмиг поубавилось и он, извинившись, ретировался прочь.

Само застолье не назовёшь скромным. Стояло множество холодных мясных закусок: ассорти из фазана, крокеты из дичи, закуска из зайчатины, окорок кабана шпигованный, паштет из косули... Салаты из свежих овощей, политые оливковым маслом и овощи целиком: помидоры, огурцы, болгарский перец. Были и крепенькие солёные огурчики и острая квашеная капуста. Белоснежная брынза и атлантическая сельдь в горчице, пряностях и маринованном луке, радовали глаз и дразнили аппетит. На горячее подали «Лесное застолье» – филе оленя, замаринованное в специях, а затем обжаренное с папоротником и кедровыми орешками.

Аромат шёл такой, что даже повара из ресторана «Максим», что стоит в Париже на улице Рояль вблизи Площади Согласия, невольно поворачивали голову к востоку и ловили балтийский ветерок, гадая, а доведётся ли им попробовать такую вкуснятину.

Все – и хозяева и гости, воздали столу должное и не оставили ни одно блюдо без внимания. Они веселились, вкусно, тепло и уютно.

Из спиртного была пара бутылок грузинского красного вина Хванчкара, водка «Охотничья» тройной очистки на берёзовых углях в запотевшем графине и традиционное на свадьбе шампанское брют от Ленинградского завода шампанских вин.

Наташа пригубила шампанское и пила вино: по глоточку за тост, Максим поступил так же – ему даже от запаха спиртного становилось дурно после недавней распушенности. Таня, понемногу, охотно пила и шампанское и вино, а вот Василий, произнеся очередной тост, опрокидывал рюмку за рюмкой, закусывал с аппетитом за двоих, хрустя то огурцами, то капустой и к концу обеда приканчивал невозмутимо второй графинчик «Охотничьей», нисколько при этом не хмелея.

Был и большой свадебный торт с обручальными кольцами, и самовар с чаем, и кофе с мороженым на десерт. Торты съели совсем чуть-чуть и Наташа попросила официанта разрезать остатки пополам, упаковать в две коробки и отнести под конец застолья в машину, что и было сделано.

Через четыре с половиной часа, ослотившие от еды, но весёлые, они покинули «Охотничью избу», загрузились в такси марки Опель Омега, поданное по заказу из ресторана и поехали домой. Вначале отвезли Таню с братом, тепло прощались, наделили их коробкой с тортом, выслушали от Василия последние поздравления и заверения в дружбе «до гробовых костей» и потом уже поехали домой сами.

Голова была заполнена лёгкой эйфорией дня, настроение под стать событию. Они любили, были беззастенчиво счастливы и звучали одним аккордом.

Глава 15

Широко открытыми глазами

Дома в коридоре их встречала Роза Семёновна. В руках у неё был большой букет – Максим подивился, это были алые розы. Такие цветы стоили очень дорого, а соседка была женщиной небогатой. Мизерной пенсии едва хватало на самое необходимое.

– Наташенька! Максим! Поздравляю вас, будьте счастливы, не обижайте друг дружку, пусть только согласие живёт в вашей семье! И деток вам, побольше, – голос пожилой женщины дрожал. В глазах стояли слёзы, а лицо освещалось добром.

Она искренне радовалась за них, и сквозило в голосе ещё что-то: возможно память о своей свадьбе, о своём, так скоро пробежавшем счастье, а быть может горе по потерянному сыну и его семье, каковой не суждено было судьбой состояться, по так и не родившимся внукам, по рано ушедшему мужу, которого война достала уже через двадцать лет после победы... Она радовалась, что они нашли с Наташей друг друга, что Максим не будет одинок, что его полюбила такая чудная девушка. Много чего было в голосе, тронувшем и Максима, и Наташу.

Наташа подошла, обняла женщину и вдруг они обе заплакали: счастливо и светло, как умеют в радости плакать только женщины.

– Спасибо вам, Роза Семёновна! – выплакавшись, сказала Наташа. – Вы гораздо больше, чем соседка, вы, как родная, близкая тётя. Я так рада, что Максим не остаётся один. Когда рядом с мужем такая женщина, жена может уезжать спокойно. Вы ему спуску не давайте, хорошо?

– А ты что, уезжаешь? – заволновалась соседка. – Надолго?.. Да как же это, вы только поженились. А отложить нельзя?

– Что поделаешь, жизнь так складывается – работа, – Наташа не стала вдаваться в подробности. – Командировка у меня, очень длительная. Отказаться нельзя, никак нельзя. Давайте о грустном не будем, лучше чай заварим, да?

– За границу? – прозорливо спросила Роза Семёновна.

– За границу, да, – подтвердила Наташа.

Соседка вздохнула и понимающе сказала:

– Что поделаешь, работа есть работа... Ладно, пойду, чай заварю, а вы переодевайтесь и на кухню подтягивайтесь.

– Хорошая она, – сказала Наташа, заходя в комнату. – Добрая и одинокая. Ты будь с ней ближе, Максим. Тебе тоже тяжело будет первое время.

Максим вдруг понял, что тяжело будет не только первое время – будет просто тяжело, и оно начнётся уже завтра, с исчезновением Наташи. Ничего не изменить – им осталось так мало быть вместе. А маячившая на горизонте встреча – лишь слабая дымка, едва-едва видная, готовая развеяться в любой миг. Страх предательски закрался в мысли – вдруг Наташа изменится, приехав домой? Вдруг закружится в круговерти жизни – забудет? Сотрёт его в памяти?.. Да и вообще, как сложится их судьба?

– Эй, муж, – Наташа подошла сзади, обняла, прижалась. – Не нужно так плохо думать о своей жене. Я решила один раз – не передумаю. Я люблю тебя, родной, что ты? Прочь гони эти гадкие сомнения. Я твоя, слышишь?

Видно, у него всё отразилось на лице и Наташа поняла, о чём он думает.

– Да нет, милая, просто взгрустнулось. Вот так, забываешь о плохом, а оно рядом, никуда не делось. Просто отсрочка небольшая.

– Я тебе говорила уже, повторяю – разлука научит тебя любить по-настоящему... – он был умный человек. Оставил след, который не забудут скоро. И он прав. Я тоже буду учиться, Максим. Нам нужно это пройти, мы сможем. Если нет – чего мы стоим? Значит не любовь это, лишь иллюзия.

– Ещё он говорил, что невозможно любить саму женщину, можно любить благодаря ей, любить с ее помощью и что слова только мешают понимать друг друга. А я никогда не мог понять, что это значит, – вздохнул Максим. – Не будем сетовать на дождь, ветер, мороз – нам не изменить природу, а жить всегда под солнцем наскучит. Будем искать радости в непогоде – без дождя не вырастет трава и цветы, а без снега не слепить снеговика. Так, да?

– А это кто сказал?

– Я сказал. Сейчас.

– Поцелуй меня, – неожиданно попросила Наташа...

Позже Наташа надела домашние шаровары в восточном стиле: широкие, бархатистые, словно велюровые, горчичного цвета и толстый, свободный, болотно-зелёный свитер, скрывающий её ладную фигуру. Отопление ещё не включили, было прохладно. Она сразу стала близкой, домашней и родной, словно медвежонок панды, на которого нельзя сердиться и смотреть без улыбки. Максим же аккуратно повесил костюм на тремпель, лишний раз восхитившись тканью: мягкой, скользящей в руке маслом, такого глубокого красивого тона. Натянув свободные, из плотного хлопка, тренировочные штаны и чистый джемпер, он почувствовал себя совсем легко, дома, рядом с той, которая следила его счастье и будь, что будет дальше!

А дальше они втроем пили на кухне чай с вкуснейшим тортом. У Максима неожиданно проснулся аппетит, и он съел целых два куска, чем заслужил ласковое «обжора» от Наташи. Они рассказывали о свадьбе Розе Семёновне, а та слушала, радовалась за них, смеялась. Особенно её развеселил рассказ Картузова о Василии и как тот не позволил танцевать с Наташей подвыпившему кавалеру.

В комнате Наташа достала подушки, забралась на тахту, покрытую ворсистым покрывалом, и укрылась пледом, свернувшись калачиком. Она казалась такой маленькой, беззащитной, что Максима окатила волна нежности.

– Иди ко мне, – позвала Наташа. – Ложись рядышком, побаюкай меня. Мне зябко.

Максим лёг рядом, обнял ее, и она тут же устроилась на его груди.

– Расскажи мне что-нибудь, Максимка, а я подремлю, а? Я так устала за эти дни, слабость какая-то. Не хочется шевелиться, только голос твой слушать. Расскажешь?

– О чём?

– О чём хочешь. Сам выбирай. Хоть сказку о царевне, которая не может проснуться.

– Дай подумать,.. хочешь, я расскажу тебе об одной женщине?

– Что-что? – с шутливой угрозой приподнялась Наташа. – Тебе меня мало?

– Эта женщина жила давным-давно. Родилась она в последней четверти восемнадцатого века и прожила долгую замечательную жизнь.

– А-а, тогда ладно, – милостиво согласилась Наташа.

– Ну, слушай. В семье графа, Алексея Кирилловича Разумовского, родилась девочка Варя. Имя она получила в честь своей матери, Варвары Петровны, урождённой Шереметьевой, женщины, впрочем, довольно вздорной, ограниченного ума, но при этом красивой до старости. Алексей Кириллович был министром просвещения и сенатором – человеком очень властным, богатым, хорошо образованным и имеющим огромную библиотеку. Когда Вареньке было всего шесть лет, от удалил её мать из дому и запретил общаться с дочерью во избежание плохого влияния на последнюю...

– Как это запретил общаться? – удивилась Наташа. Она заинтересовалась рассказом и уже забыла, что собиралась подремать. – Матери запретил видеть дочь?! Как это?

– Такие времена были, Наташа. Отец так решил и так случилось. Сам он жил с нею врозь, не желая терпеть несносный характер жены. Но о детях заботился. Варя поступила под опеку родной тётки по отцу, графини Прасковьи Кирилловны, женщины спокойного нрава, умной и образованной. До тринадцати лет у Вари была гувернантка немка, а после швейцарка Калам, тётка известного пейзажиста, женщина с твёрдым характером, умная, высоких нравственных качеств. Варя её очень любила. Девушка получила домашнее, но превосходное образование, знала языки и к её услугам была обширная библиотека отца, откуда она, помимо прочего, почерпнула значимые познания в медицине. Жила Варя в подмосковном имении и, ставши девушкой, часто сопровождала отца в поездках. В одной из таких поездок они посетили село Воронцово, где проживал фельдмаршал князь Репнин. Там она познакомилась с внуком князя, Николаем Волконским, любимцем Павла Первого. Умная, любознательная и добросердечная девушка, пылкая, эрудированная, веселая и серьезная одновременно, не могла не понравиться молодому флигель-адъютанту Императорского Двора, князю Волконскому, – Картузов хитро посмотрел на Наташу. – Кого-то она мне напоминает, а?

– Кого это, интересно? – невинно спросила Наташа.

– Да есть тут, одна... Ну, ладно, поехали дальше. Молодые люди полюбили друг друга, должна была состояться свадьба, но на беду отец Вари и фельдмаршал рассорились и свадьбу отменили. Варя и Николай страдали, но поделать ничего не могли – судьбы браков в те времена решали старшие. В 1801 году фельдмаршал князь Репнин умер. После смерти князя, именным указом Императора Александра Первого, дабы спасти от угасания древний род, столь славно послуживший Отечеству, к фамилии молодого князя Николая Григорьевича была добавлена и фамилия умершего дяди – Репнин. Унаследовал князь и его состояние. Наконец-то они смогли пожениться. Их пышная и веселая свадьба состоялась в 1802 году, в поместье Варвары Алексеевны – Батуриной. В 1805 году Репнин-Волконский вновь вступил в армию. Началась война с Наполеоном, пока на стороне союзных с Австрией войск. Варенька, страстно влюбленная в мужа, последовала за ним в армейском обозе. Детей оставила на попечение свекрови – решительной и умной женщины Александры Николаевны Волконской... Варе подражали и другие светские дамы. Муж Вари был ранен в бою под Аустерлицем и попал в плен. Варвара Алексеевна храбро явилась в лагерь Наполеона и сказала, что не уйдет оттуда даже под угрозой расстрела и будет ухаживать за мужем сама, оставаясь при нем до последней минуты! Французский офицер растерялся и не смог устоять перед энергичным напором маленькой русской дамы, с быстрыми черными глазами и высокой пышной причёской – он позволил ей остаться в лагере. Варя ухаживала за мужем и другими пленными русскими солдатами и офицерами. О ней доложили императору Наполеону, но тот в ответ лишь улыбнулся, махнул рукой, пробормотав что-то вроде: «Завидую этому русскому!» и настоял на личной с ним встрече. О чем говорили французский император и русский пленённый князь, осталось их личной тайной, но вскоре Репнину была возвращена свобода. Пример храброй и отважной старшей невестки Вареньки Репниной, сиятельной подруги императрицы, подействовал позже на пылкое воображение знаменитой княгини Волконской – младшей – Марии Николаевны, уехавшей вслед за опальным мужем в Сибирь десять лет спустя. Вот такая она была – княгиня Варвара Алексеевна Репнина-Волконская, урождённая Разумовская. Всю жизнь занималась благотворительностью, на что израсходовала всё своё состояние: помогала бедным, открыла университет в Полтаве, строила школы и больницы. Муж её, Николай, умер в 1842 году, она переехала в Одессу, а позже в Москву. Жила в своём доме на Садовой, где и скончалась 1864 году в возрасте восьмидесяти восьми лет. Её тело перевезли на Черниговщину и похоронили рядом с мужем в храме Густынского Свято-Троицкого монастыря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.